

Голсуорси Джон

Схватка

Джон Голсуорси

Схватка

Драма в трех действиях

Перевод Г. Злобина

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Джон Энтони - председатель правления Компании
листопрокатного завода "Тренарта"

Эдгар Энтони, его сын |

Фредерик Х. Уайлдер } члены правления

Уильям Скэнтлбери |

Оливер Уэнклин |

Генри Тейч, секретарь правления

Фрэнсис Андервуд, управляющий заводом

Саймон Харнесс, представитель профсоюза

Дэвид Робертс |

Джеймс Грин |

Джон Балджин } члены забастовочного комитета

Генри Томас |

Джордж Раус |

Генри Раус |

Льюис |

Яго |

Эванс |

Кузнец } рабочие завода

Дэвис |

Рыжий парень |

Браун |

Фрост, камердинер Джона Энтони

Энид Андервуд, жена Фрэнсиса Андервуда, дочь Джона Энтони

Анн и Робертс, жена Дэвида Робертса

Мэдж Томас, дочь Генри Томаса

Миссис Раус, мать Джона и Генри Раусов

Миссис Балджин, жена Джона Балджина

Миссис Йоу, жена рабочего

Горничная у Андервудов

Ян, мальчишка лет десяти, брат Мэдж

Толпа рабочих

Действие первое - столовая в доме управляющего.

Действие второе. Сцена 1 - кухня в домике Робертса неподалеку от завода. Сцена 2 - пустырь за заводом.

Действие третье - гостиная в доме управляющего.

Изображаемые события происходят седьмого февраля между двенадцатью часами дня и шестью часами вечера на листопрокатном заводе "Тренарта", расположенном на границе Англии и Уэльса. На заводе всю зиму бастуют

рабочие.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Полдень. Столовая в доме Андервуда. Жарко пылает камин. По одну сторону от камина - двойные двери, ведущие в гостиную, по другую - дверь в холл. Посредине комнаты стоит длинный обеденный стол без скатерти - за ним заседает правление. Во главе стола в председательском кресле восседает Джон Энтони, крупный, чистовыбритый румяный старик с густыми седыми волосами и густыми темными бровями. Движения его неторопливы и словно бы неуверенны, но в глазах - живой огонек. На столе подле него поставлен стакан с водой. Справа от Энтони - его сын Эдгар, серьезный молодой человек лет тридцати, читает газету. За ним, склонившись над бумагами, сидит Уэнклин, - у него торчащие брови и русые, тронутые серебром волосы. Рядом, помогая ему, услужливо изогнувшись, стоит секретарь Тенч, невысокий нервный человек с бакенбардами. Справа от Уэнклина сидит управляющий Андервуд - уравновешенный человек с большим решительным подбородком и твердым взглядом. По другую сторону от председателя, через два стула, поближе к камину - Сквнтлбери, крупный, бледный и какой-то сонный джентльмен с лысеющей седой головой. У камина стоит худой и вечно недовольный Уайлдер - у него землистый цвет лица и опущенные книзу седые усы.

Уайлдер. Так и пышет! Нельзя ли поставить экран, Тенч?

Скэнтлбери. Да, было бы неплохо.

Тенч. Сию минуту, мистер Уайлдер (глядя на Андервуда). То есть... может быть, управляющий... может быть, мистер Андервуд...

Скэнтлбери. Уж эти ваши каминь, Андервуд...

Андервуд (оторвавшись от бумаг). Что, экран? Разумеется! Прошу прощения (идет к двери, улыбаясь едва заметно). Сейчас у нас тут редко кто жалуется, что ему чересчур тепло.

Он говорит медленно, иронически, так, будто у него между зубами зажата

трубка.

Уайлдер (обиженным тоном). Вы говорите о рабочих?

Андервуд выходит.

Скэнтлбери. Бедняги!

Уайлдер. Сами виноваты, Скэнтлбери.

Эдгар (показывая на газету). "Тренарта ньюз" пишет, что рабочие буквально бедствуют.

Уайлдер. И вы читаете этот листок? Отдайте его Уэнклину. Под статью его радикальным взглядам. Нас, конечно, называют хищниками? Стрелять таких редакторов надо!

Эдгар (читает). "Если бы высокочтимые джентльмены, которые управляют листопрокатным заводом "Тренарта", не выходя из своих лондонских кабинетов, сооблаговолили прибыть сюда и посмотреть, в каких условиях приходится жить рабочим, во время забастовки..."

Уайлдер. Но мы же здесь!

Эдгар (продолжая). "...трудно поверить, чтобы даже их каменные сердца не дрогнули от сострадания".

Уэнклин берет газету.

Уайлдер. Негодяй! Я помню этого типа, когда у него гроша за душой не было. А как он карьеру сделал? Обливал грязью всякого, кто с ним не соглашался.

Энтони бормочет что-то неразборчивое.

Уайлдер. Что говорит ваш отец?

Эдгар. Он сказал: "Уж кому бы говорить..."

Уайлдер, хмыкнув, усаживается рядом со Скэнтлбери.

Скэнтлбери (отдуваясь). Если не принесут экран, я сварюсь.

Входят Андервуд и Энид с экраном, ставят его перед камином. Энид - двадцать восемь лет, она высокого роста, у нее маленькая голова и решительные черты

лица.

Энид. Поставь поближе, Фрэнк. Так хорошо, мистер Уайлдер? Это самый высокий, какой у нас есть.

Уайлдер. Премного благодарен.

Скэнтлбери (обернувшись к Энид, со вздохом облегчения). Merci, madam.

Энид. Папа, вам больше ничего не нужно? (Энтони качает головой.) А тебе, Эдгар?

Эдгар. Не могла бы ты дать мне новое перо, дорогая?

Энид. А они вот там, около мистера Скэнтлбери.

Скэнтлбери (подавая коробку с перьями). Ваш брат пишет перьями рондо? А чем пишет управляющий? (С преувеличенной любезностью.) Чем пишет ваш муж, миссис Андервуд?

Андервуд. Гусиным пером!

Скэнтлбери. У вас, я вижу, натуральное хозяйство!

Он подает перья.

Андервуд (сухо). Благодарю, если позволите, я возьму одно (берет перо). Как насчет завтрака, Энид?

Энид (обернувшись в дверях). Мы будем завтракать здесь, в гостиной. Так что можете не спешить с заседанием.

Уэнклин и Уайлдер кланяются ей, и она выходит.

Скэнтлбери (вставая с места, мечтательно). Завтрак! Кормят в здешней гостинице прескверно! Вы пробовали вчера жареных снетков? Сплошной жир!

Уайлдер. Уже первый час! Может быть, вы зачитаете протокол, Тенч?

Тенч вопросительно смотрит на председателя - тот кивает.

Тенч (монотонным голосом быстро читает). "Заседание правления состоялось 31 января в конторе Компании на Кэннон-стрит, 512. На заседании присутствовали мистер Энтони - председатель, господа Ф. Х. Уайлдер, Уильям Скэнтлбери, Оливер Уэнклин, Эдгар Энтони. Заслушаны письма управляющего от января 20, 23, 25 и 28 относительно забастовки на заводе Компании. Заслушаны письма управляющему от января 21, 24, 26, 29. Заслушано письмо от мистера Саймона Харнесса, представителя центрального профсоюза, который просит, чтобы члены правления приняли его. Заслушано письмо от забастовочного комитета, подписанное Дэвидом Робертсом,

Джеймсом Грином, Джоном Балджином, Генри Томасом, Джорджем Раусом. В письме содержится предложение о переговорах с правлением. Вынесено решение: 7 февраля в доме управляющего созвать специальное совещание правления и обсудить создавшееся положение совместно с мистером Саймоном Харнессом и представителями забастовочного комитета. Утверждено двенадцать операций по продаже акций, подписано и скреплено печатью девять сертификатов и один балансовый отчет.

Он подвигает книгу председателю.

Энтони (тяжело вздохнув). Подпишите и вы, если не возражаете.

Он подписывает, с трудом водит пером по бумаге.

Уэнклин. Тенч, что затевает профсоюз? Ведь разногласия между профсоюзом и рабочими еще не устранены. Чего же ждет Харнесс от этого совещания?

Тенч. Я полагаю, сэр, что он надеется на какое-нибудь компромиссное решение. Сегодня он выступает перед рабочими.

Уайлдер. Этот Харнесс - холодный и расчетливый субъект. Не доверяю таким. Боюсь, что нам не следовало бы приезжать сюда. Когда должны прийти рабочие?

Андервуд. С минуты на минуту.

Уайлдер. Тогда им придется подождать, если мы не закончим. Ничего с ними не сделается, пусть поостынут.

Скэнтлбери (медленно). Бедняги!.. Снег так и валит. Ну и погода!

Андервуд (многозначительно). Ничего, тут им придется жарко. Отогреются.

Уайлдер. Ну, я думаю, что мы быстренько все уладим и я успею на шестичасовой поезд. Завтра увожу супругу в Испанию. (С намерением поболтать.) Знаете, у моего отца на заводе в шестьдесят девятом была забастовка - как раз тоже в феврале. Они чуть не застрелили его.

Уэнклин. Не может быть! В феврале охота запрещена.

Уайлдер. Черт побери! На хозяев никогда не запрещают охотиться. Он ходил в контору с пистолетом в кармане.

Скэнтлбери (с легкой тревогой). Вы шутите?

Уайлдер. Ничуть! Кончилось тем, что он прострелил одному ногу.

Скэнтлбери (невольно дотрагиваясь до ноги). Не может быть! Упаси господь!..

Энтони (взяв бумагу с повесткой дня). В связи с забастовкой правлению предлагается наметить линию поведения.

Члены правления молчат.

Уайлдер. Ну, что ж,, извечная дуэль с тремя участниками: профсоюз, рабочие и мы.

Уэнклин. Профсоюз в расчет не принимается.

Уайлдер. Очень даже принимается, будь он проклят! По своему опыту знаю. Одного не пойму: если профсоюз решил не поддерживать рабочих, то почему он вообще не запретил забастовку?

Эдгар. Так случалось уже не однажды.

Уайлдер. Ну, а я не понимаю этого! Они утверждают, что механики и нагревательщики выдвинули слишком высокие требования. Да, высокие, но я никогда не поверю, что профсоюз отказался поддержать рабочих только по этой причине. Тут что-то кроется.

Андервуд. Профсоюз боится, как бы не забастовали на заводах Харпера и Тайнуэлла.

Уайлдер (торжествующе). Ну вот, видите! Они боятся новых забастовок. Почему нам никто не сказал об этом?

Андервуд. Об этом говорилось.

Тенч. Вы отсутствовали на том заседании, сэр.

Скэнтлбери. Рабочие должны же понимать, что у них нет никакой возможности выиграть, если профсоюз не поддерживает их. Это - безумие!

Андервуд. Все дело в Робертсе.

Уайлдер. Повезло же нам, что зачинщиком оказался этот фанатик.

Все молчат.

Уэнклин (глядя на Энтони). Итак?

Уайлдер (раздраженно). Какую кашу заварили! Мне не нравится это дело, совсем не нравится. Я давно говорил... (посмотрев на Уэнклина). Когда мы с Уэнклином перед рождеством были здесь, казалось, что рабочие вот-вот сдадутся. И вы тоже так считали, Андервуд?

Андервуд. Да, считал.

Уайлдер. Ну вот, видите! А они не сдались. Дела идут все хуже и хуже... Мы теряем клиентов. Акции падают!

Скэнтлбери (удрученно покачивая головой). Гм!

Уэнклин. Тенч, какие убытки мы уже понесли из-за того, что завод стоит?

Тенч. Свыше пятидесяти тысяч, сэр!

Скэнтлбери (морщась). Неужели так много?

Уайлдер. И этого уж не вернешь.

Тенч. Да, сэр.

Уайлдер. Кто бы мог подумать, что рабочие будут так упорно держаться? Кто бы мог подумать? (Сердито смотрит на Тенча.)

Скэнтлбери (покачивая головой), Хуже нет, когда дело доходит до открытой схватки.

Энтони. Мы не сдадимся!

Все смотрят на председателя.

Уайлдер. Кто говорит о сдаче? (Энтони в упор смотрит на него.) Я... я просто хочу действовать благоразумно. Когда в декабре рабочие послали Робертса в Лондон, мы упустили подходящий момент. Нам следовало бы что-нибудь обещать им. А вместо этого председатель (опуская глаза под взглядом Энтони)... А вместо этого мы выпроводили его и пошли на обострение. Немного такта - и мы убедили бы их.

Энтони. Никаких компромиссов

Уайлдер. Вот-вот! Забастовка началась в октябре и, насколько я понимаю, может продлиться еще полгода. В каком положении мы тогда очутимся? Единственное утешение, что рабочим придется еще хуже.

Эдгар (Андервуду). В каком они сейчас положении, Фрэнк?

Андервуд (невозмутимо). В ужасающем.

Уайлдер. Кто бы подумал, что они смогут так упорно держаться безо всякой помощи?

Андервуд. Тот, кто знает этих людей.

Уайлдер. А я утверждаю, что никто не знает их! А много еще железа на складах? Цены растут с каждым днем. Нам придется расторгать контракты когда мы возобновим производство! И это в самый-то спрос!

Уэнклин. Что вы на это скажете, председатель?

Энтони. Ничего не поделаешь.

Уайлдер. А когда мы будем выплачивать дивиденды?

Скэнтлбери (веско). Мы должны думать об акционерах. (Грузно поворачиваясь к председателю.) Я говорю, что мы должны думать, господин председатель, об акционерах.

Энтони что-то бормочет.

Скэнтлбери. Что вы говорите?

Тенч. Председатель говорит, что он в первую очередь думает о вас, сэр.

Скэнтлбери. Какой цинизм! (Погружается в тупое молчание.)

Уайлдер. Шутки в сторону. Может быть, председатель и согласен целые годы не получать дивиденды, но я лично - нет. Мы не можем рисковать капиталом Компании.

Эдгар (неуверенно). Я считаю, что мы должны подумать и о рабочих.

Все, кроме Энтони, заерзали на своих местах.

Скэнтлбери (со вздохом сожаления). Мы не имеем права давать волю своим чувствам, молодой человек. Это не на пользу дела.

Эдгар (иронически). Я думаю не о наших чувствах, а об их чувствах.

Уайлдер. Что до чувств - мы деловые люди.

Уэнклин. В том-то и беда.

Эдгар. Рабочие бедствуют, и нам, право же, нет никакой необходимости идти на крайности. Это... это жестоко!

Все молчат, словно Эдгар высказал то, в чем ни один человек, хоть немного сохранивший чувство собственного достоинства, не рискнет признаться себе.

Уэнклин (иронически улыбаясь). Сентименты - это излишняя роскошь. На них нельзя строить политику Компании.

Эдгар. Мне отвратительно все это!

Энтони. Не мы начали первыми.

Эдгар. Я знаю, сэр, но мы зашли слишком далеко.

Энтони. Нет.

Все переглянулись.

Уэнклин. Роскошь роскошью, но нам надо действовать очень осмотрительно.

Энтони. Стоит хоть однажды пойти на уступки рабочим, и этому конца не будет.

Уэнклин. Я совершенно согласен, и все-таки...

Энтони мотает головой.

Значит, дело в принципе?

Энтони кивает.

Это тоже роскошь, председатель! Акции упали ниже номинальной стоимости.

Уайлдер. И упадут до половины, когда настанет время распределять очередные дивиденды.

Скэнтлбери (с тревогой). Ну зачем же так мрачно?..

Уайлдер (раздраженно). Так оно и будет! (Вытянув шею, чтобы разобрать, что говорит Энтони.) Я не расслышал...

Тенч (колеблясь). Председатель говорит, сэр: "Fais que... que... devra..."

Эдгар (резко). Мой отец сказал: "Делай, что должен, - и наплевать на последствия!"

Уайлдер. Ну и ну!

Скэнтлбери (вскинув руки). Стоик! Я всегда говорил, что председатель настоящий стоик!

Уайлдер. Нам от этого не легче.

Уэнклин (учтивым тоном). Будем говорить серьезно, председатель. Неужели вы допустите, чтобы мы пошли ко дну... ради... ради принципа?

Энтони. Мы не пойдём ко дну.

Скэнтлбери (с тревогой). Надеюсь, этого не случится, пока я член правления.

Энтони (насмешливо). Крысы в таких случаях бегут с корабля, Скэнтлбери.

Скэнтлбери. Ну как с ним разговаривать!

Энтони. Мне не впервые драться с рабочими. И я ни разу не проиграл схватку.

Уэнклин. Теоретически мы согласны с вами, председатель. Но не у всех железные нервы.

Энтони. Надо держаться.

Уайлдер (встав и подойдя к камину). И вылететь в трубу?

Энтони. Лучше вылететь в трубу, чем уступить.

Уайлдер (раздражаясь). Вас это, может быть, и устраивает, но меня нет, да и остальных, наверное, тоже.

Энтони смотрит ему прямо в лицо; все молчат.

Эдгар. Дети и жены рабочих обречены на голод, если мы будем действовать в прежнем духе. От этого не уйти.

Уайлдер круто поворачивается к камину, а Скэнтлбери протестующе, словно

загораживаясь, поднимает руку.

Уэнклин. Боюсь, что это звучит излишне сентиментально.

Эдгар. Вы считаете, что деловые люди не обязаны быть порядочными?

Уайлдер. Мне более чем кому-либо жаль рабочих. Но если они... (распаляясь), если они такие упрямые ослы, мы ничего не можем поделаться. У нас своих забот хватает, да еще об акционерах думать приходится.

Эдгар (горячо). Акционеры не умрут с голоду, если не получат очередные дивиденды! Разве это достаточное основание, чтобы наносить удар ниже пояса?

Скэнтлбери (испытывая явную неловкость). Молодой человек, вы слишком легкомысленно относитесь к дивидендам. Я лично даже не знаю действительного положения вещей.

Уайлдер. Надо рассуждать трезво: мы можем разориться из-за этой забастовки.

Энтони. Никаких уступок!

Скэнтлбери (с жестом отчаяния). Вы только посмотрите на него!

Энтони откинулся на спинку кресла. Члены правления и в самом деле пристально

смотрят на него.

Уайлдер (вернувшись на свое место). Если председатель действительно придерживается этого взгляда, то я не знаю, зачем мы сюда приехали. Это все, что я могу сказать.

Энтони. Затем, чтобы сказать рабочим, что мы не пойдем на уступки. Они не поверят до тех пор, пока им не втолкуешь как следует.

Уайлдер. Гм! Очень может быть, что этот негодяй Робертс хотел того же, когда добивался нашего приезда. Ненавижу его до смерти.

Эдгар (раздраженно). Мы слишком мало заплатили Робертсу за его изобретение. Я не раз говорил об этом в свое время.

Уайлдер. Мы выплатили ему пятьсот фунтов, а через три года дали премию в двести фунтов. Неужели этого мало? Чего он еще хочет?

Тенч (брюзгливо). А он знает одно - бубнить: Компания нажила на моих мозгах сто тысяч фунтов, а мне заплатили жалкие семь сотен.

Уайлдер. Да он отъявленный агитатор! Послушайте, я ненавижу профсоюзы. Но уж если Харнесс здесь, пусть он сам все и расхлебывает.

Энтони. Ни в коем случае!

Все снова смотрят на него.

Андервуд. Робертс не позволит рабочим слушать Харнесса.

Скэнтлбери. Фанатик!

Уайлдер (глядя на Энтони). К сожалению, не единственный.

Из холла в комнату входит Фрост.

Фрост (Энтони). Мистер Харнесс из профсоюза, сэр. Рабочие тоже пришли.

Энтони кивает. Андервуд идет к дверям и возвращается с Харнессом, бледным человеком с гладковыбритыми впалыми щеками, выступающим подбородком и живым

взглядом. Фрост выходит.

Андервуд (указывая на стул Тенча). Садитесь рядом с председателем, Харнесс.

Когда Харнесс вошел, члены правления сдвинулись поближе друг к другу и

повернулись к нему, словно стадо при виде волка.

Харнесс (быстро опядевает присутствующих и поклонившись). Благодарю! (Он садится; у него немного гнусавый голос.) Итак, джентльмены, я надеюсь, что мы наконец договоримся.

Уайлдер. Все зависит от того, что вы называете "договориться", Харнесс. Почему вы не пригласили войти рабочих?

Харнесс. Рабочие, бесспорно, более правы, чем вы. Мы уже задаемся вопросом, не стоит ли нам снова поддержать их?

Говоря, он смотрит только на Энтони, игнорируя остальных.

Энтони. Это ваше дело. Но в таком случае мы станем нанимать на работу не членов профсоюза.

Харнесс. Ничего не выйдет, мистер Энтони. Вам не найти неорганизованных рабочих, вы сами знаете.

Энтони. Посмотрим.

Харнесс. Я буду откровенен. Мы были вынуждены отказать вашим рабочим в помощи, потому что некоторые требования, выдвинутые ими, превышают существующие расценки. Сегодня я надеюсь убедить их взять эти требования назад. И тогда, джентльмены, - можете мне поверить - мы немедленно окажем им помощь. Так вот, прежде чем уехать вечером, я хочу, чтобы была достигнута какая-то договоренность. Кому нужна эта старомодная схватка? Какая вам от нее выгода? Почему вы не хотите признать раз и навсегда, что рабочие - такие же люди, как и вы, и тоже хотят лучше жить. У них свои нужды, как у вас свои... (горько). Ваши лимузины, шампанское, обеды из восьми блюд.

Энтони. Если люди выйдут на работу, мы постараемся что-нибудь сделать для них.

Харнесс (иронически). Вы тоже придерживаетесь этого мнения, сэр? И вы? И вы тоже? (Члены правления молчат.) Ну что же можно сказать? Я считал, что мы уже давно отказались от этих аристократических замашек. Видимо, я ошибся.

Энтони. Нет, мы просто отвечаем рабочим тем же. Посмотрим, кто выдержит дольше: они без нас или мы без них,

Харнесс. Вы же деловые люди, джентльмены! Неужели вы не стыдитесь этой напрасной траты сил? Вы же превосходно знаете, чем все кончится.

Энтони. Чем же?

Харнесс. Как всегда - компромиссом.

Скэнтлбери. Не могли бы вы убедить рабочих, что их интересы совпадают с нашими?

Харнесс (обернувшись к Скэнтлбери, иронически). Мог бы, если бы они на самом деле совпадали.

Уайлдер. Послушайте, Харнесс, вы разумный человек и, конечно, не верите в эту новомодную социалистическую болтовню? Ведь между интересами рабочих и нашими интересами существенной разницы нет.

Харнесс. Позвольте мне задать вам один простой вопрос. Согласились бы вы платить рабочим хоть на пенс больше, чем они

заставляют вас платить сейчас?

Уайлдер молчит.

Уэнклин. А я-то по простоте душевной думал, что не платить больше, чем необходимо, - это азбука коммерции.

Харнесс (иронически). Да, сэр, это азбука коммерции. Она-то и разграничивает ваши интересы и интересы рабочих.

Скэнтлбери (бормочет себе под нос). Разве нельзя как-нибудь договориться?

Харнесс (сухо). Так, значит, джентльмены, правление не хочет идти ни на какие уступки?

Уанклин и Уайлдер одновременно подаются вперед, как бы собираясь что-то

сказать, но молчат.

Энтони (кивает). Никаких уступок!

Уанклин и Уайлдер снова наклоняются вперед, а Скэнтлбери крикает.

Харнесс. Вы, кажется, хотите что-то сказать?

Скэнтлбери молчит.

Эдгар (подняв глаза). Мы сожалеем, что рабочим приходится нелегко.

Харнесс (ледяным тоном). От вашего сожаления, сэр, им не станет легче. Они хотят только справедливости.

Энтони. Так пусть они сами будут справедливыми.

Харнесс. Мистер Энтони, слово "справедливые" в ваших устах звучит как "покорные". Почему они должны быть покорными? Они такие же люди, как и вы, с единственной разницей, что у вас есть деньги, а у них нет.

Энтони. Знакомая песня!

Харнесс. Я пять лет пробыл в Америке. А это, знаете, придает особый оттенок мыслям.

Скэнтлбери (внезапно, как бы решив все-таки высказаться). Пусть рабочие войдут и выложат все начистоту!

Энтони кивает, а Андервуд выходит в холл.

Харнесс (сухо). Поскольку я сегодня буду с ними беседовать, то прошу отложить ваше окончательное решение до того момента.

Энтони снова кивает и, взяв стакан, пьет. Возвращается Андервуд, за ним, сняв шляпы, один за другим входят Робертс, Грин, Балджин,

Томас, Раус и молча становятся в ряд. Робертс - худощавый, среднего роста, слегка сутулый. У него небольшая каштановая, с проседью, борода, усы, выступающие над запавшими щеками скулы и маленькие горячие глаза. На нем потертый синий шерстяной костюм, в руках - старый котелок. Он стоит ближе всех к председателю. Рядом с Робертсом - Грин, у него резко очерченное изможденное лицо, седая козлиная борода, обвислые усы и мягкие, открытые глаза за стеклами очков в железной оправе. Он одет в порыжелое от времени пальто с холщовым воротником. Следующим стоит Балджин, рослый, сильный человек, с темными усами, упрямым подбородком и красным шарфом на шее; он то и дело перекладывает фуражку из одной руки в другую. За ним - Томас, старик с седыми усами и большой бородой, с костлявым обветренным лицом; ворот его пальто едва прикрывает худую, словно ошипанную, шею. Справа от него стоит Раус, самый младший из них; он похож на солдата, и по его взгляду видно, что он смотрел смерти в глаза.

Андервуд (показывая рукой). Вот там, у стены, есть стулья, Робертс. Подвигайте их и садитесь.

Робертс. Благодарю вас, мистер Андервуд, мы постоим... в присутствии членов правления. (У него резкий, отрывистый голос. Отчетливый выговор.) Как поживаете, мистер Харнесс? Не ожидал, что буду иметь удовольствие встретить вас до собрания.

Харнесс (ровно). Значит, встретимся еще раз.

Робертс. Рад слышать, у нас есть кое-какие новости для вашего начальства.

Энтони. Чего хотят рабочие?

Робертс (язвительно). Прошу прощения, я не совсем расслышал председателя.

Тенч (стоя за креслом Энтони). Председатель желает знать, что имеют сказать рабочие.

Робертс. Мы пришли, чтобы услышать, что скажет правление. Пусть сначала говорят члены правления.

Энтони. Правлению нечего сказать вам.

Робертс (оплядев своих товарищей). В таком случае мы понапрасну отнимаем у джентльменов их драгоценное время. Не станем пачкать этот дорогой ковер и удалимся.

Он поворачивается, чтобы уйти, и остальные рабочие, словно

загипнотизированные, готовы следовать за ним.

Уэнклин (урезонивая). Робертс, не за тем же мы в этакий холод ехали сюда.

Томас (чистокровный валлиец). Нет, сэр, и вот что я хочу сказать...

Робертс (язвительно). Продолжай, продолжай, Генри Томас. У тебя это лучше получается, чем у меня, - разговаривать с членами правления.

Томас замолкает.

Тенч. Робертс, председатель хочет напомнить, что именно рабочие добивались переговоров, и поэтому правление ждет, что они скажут.

Робертс. Если я начну выкладывать все, что они хотят сказать, то я не кончу до завтра. И тогда некоторые из присутствующих здесь пожалеют, что они не в своих лондонских дворцах.

Харнесс. Что вы предлагаете? Будьте благоразумны.

Робертс. Вы взываете к благоразумию, мистер Харнесс? Когда сегодня пойдете на митинг, оглядитесь вокруг. (Он смотрит на рабочих, те внимательно слушают, стараясь не пропустить ни звука.) Такое увидите...

Харнесс. Дорогой мой, вы увиливаете от ответа.

Робертс (рабочим). Мы не станем увиливать от ответа, правда? Выпейте перед митингом шампанского, мистер Харнесс, это подкрепит вас, сэр.

Харнесс. Ближе к делу, ближе к делу!

Томас. Послушайте, ведь мы же просим просто справедливости.

Робертс (ядовито). Просить справедливости у Лондона? О чем вы говорите, Генри Томас? Вы что, с ума сошли? (Томас молчит.) Разве неизвестно, кто мы? Собаки. Вечно недовольные. Ничем на нас не угодишь. Помните, что сказал мне председатель в Лондоне? Он сказал, что я говорю чепуху. По его мнению, я тупой, необразованный выскочка, который понятия не имеет о нуждах рабочих.

Эдгар. Пожалуйста, не отвлекайтесь.

Энтони (подняв ладонь). В доме должен быть один хозяин, Робертс.

Робертс. Тогда, черт возьми, хозяевами будем мы.

Пауза. Энтони и Робертс в упор смотрят друг на друга.

Андервуд. Робертс, если вам нечего сказать членам правления, может быть, позвольте высказаться от имени рабочих Грину или Томасу?

Переглянувшись, Грин и Томас с тревогой смотрят на Робертса и на других рабочих.

Грин (как истинный англичанин). Если джентльменам будет угодно выслушать меня...

Томас. Я хочу сказать, что мы все думаем...

Робертс. Не говори за других, Генри Томас.

Скэнтлбери (сделав досадливый жест). Пусть они выложат, что у них на душе!

Робертс. В чем только у них душа держится благодаря вашим стараниям, мистер Скэнтлбери! (Он произнес имя язвительно и подчеркнуто, как будто оно само по себе - оскорбление. Рабочим.) Ну, будет кто-нибудь говорить или доверите мне?

Раус (неожиданно). Ну говори же, наконец, Робертс, или дай сказать другим.

Робертс (иронически). Благодарю вас, Джордж Раус (обращаясь к Энтони). Председатель и члены правления оказали нам честь, приехав сюда из Лондона, чтобы на месте выслушать наши требования. И просто невежливо заставляя их ждать так долго.

Уайлдер. Слава богу, кажется, он перешел к делу.

Робертс. Вы несколько преждевременно возносите хвалу богу, мистер Уайлдер, хотя вы и известны набожностью. Может быть, вашему богу там, в Лондоне, некогда выслушать трудящегося человека. Говорят, что он очень богатый, этот бог, но если все же он выслушает меня, то узнает такое, - о чем он никогда не услышал бы в Кенсингтоне.

Харнесс. Бросьте, Робертс! У вас есть свой бог, так научитесь уважать бога, которому поклоняются другие.

Робертс. Совершенно верно, сэр! У нас здесь другой бог. И я думаю, что он отличается от бога мистера Уайлдера. Спросите у Генри Томаса - он скажет, что наш бог ничуть не похож на вашего.

Томас возводит очи и пророчески поднимает руку.

Уэнклин. Ради бога, Робертс, не отвлекайтесь в сторону.

Робертс. Я не отвлекаюсь, мистер Уэнклин. Если вы сумеете сделать так, чтобы бог Капитала прошелся по улицам Труда и поглядел хорошенько, что творится у нас, значит, при всем вашем радикализме вы гораздо умнее, чем я думал.

Энтони. Слушай меня, Робертс. (Робертс умолкает.) Ты говори от имени рабочих, а я потом скажу от имени правления.

Он медленно обводит взглядом членов правления. Уайлдер, Уэнклин и Скэнтлбери ерзают на своих местах, Эдгар уставился в пол, Харнесс слегка усмехается.

Ну, с чем вы пришли? Отвечайте!

Робертс. Отлично!

На протяжении следующей сцены он и Энтони смотрят в упор друг на друга. Рабочие и члены правления, каждый по-своему, выказывают какую-то неловкость, словно никто из них не решился бы вслух сказать то, что говорят Энтони и

Робертс.

У рабочих нет денег, чтобы без конца ездить в Лондон. И они не уверены в том, что в правлении вполне понимают то, что мы пишем черным по белому. (Кинув выразительный взгляд на Андервуда и Тенча.) Почта у нас ненадежная, и мы знаем, как на правлении разбираются дела: "Отослать письмо управляющему с тем, чтобы он информировал нас о положении рабочих. Нельзя ли выжать из них побольше?"

Андервуд (тихо). Это запрещенный удар, Робертс!

Робертс. Разве, мистер Андервуд? Спросите у рабочих. Когда я был в Лондоне, я четко изложил нашу позицию. А что из этого получилось? Мне сказали, что я болтаю чепуху. Я не могу позволить себе снова ехать в Лондон, чтобы услышать то же самое.

Энтони. Так что же все-таки ты хочешь сказать?

Робертс. Я вот что хочу сказать... Прежде всего о положении, в котором находятся рабочие. Вам нет необходимости спрашивать управляющего. Из них нечего больше выжать. Каждый из нас почти что голодает. (Рабочие удивленно перешептываются. Робертс оглядывает всех.) Чему вы удивляетесь? Мы обессилели. Последние недели мы живем так, что хуже некуда. Но не ожидайте, что вы вынудите нас выйти на работу. Мы лучше все умрем с голоду. Рабочие хотели, чтобы вы приехали и сами сказали, собирается ли Компания

удо* влетворить наши требования. Я вижу в руках у секретаря какую-то бумагу. (Теня заерзал.) Это, очевидно, наши требования, мистер Тенч? Как видите, бумага не очень большая.

Тенч (кивает). Да, угадали.

Робертс. Все, что там написано, - это самое необходимое, без чего нам не обойтись.

Рабочие задвигались. Робертс резко поворачивается к ним.

Разве это не так?

Рабочие с видимой неохотой соглашаются. Энтони берет у Тенча бумагу и

читает.

Наши требования справедливы. Мы просим то, что полагается нам по праву. Я говорил в Лондоне и повторяю сейчас: в этой бумаге содержится только то, что по всем нормам справедливости мы можем просить, а вы обязаны дать.

Пауза.

Энтони. Мы не можем удовлетворить ни одно из этих требований.

Общее движение. Робертс наблюдает за членами правления, а Энтони - за

рабочими. Уайлдер резко встает и идет к камину.

Робертс. Ни одно?

Энтони. Ни одно.

Уайлдер, стоящий у камина, делает негодующий жест.

Робертс (заметив это, сухо). Вам, разумеется, виднее, насколько положение Компании лучше положения рабочих. (Пристально оглядывая лица членов правления.) Вам лучше знать, выгоден ли вам самим этот деспотизм. Но я вам скажу вот что: если вы думаете, что рабочие уступят хоть на йоту, вы сильно заблуждаетесь. (Пристально смотрит на Скэнтлбери.) Да, профсоюз не поддерживает нас, и это позор! Но не рассчитывайте, что не сегодня-завтра мы приползем сюда на коленях. Да, рабочим надо заботиться о том, как бы прокормить жен и детей! Но не рассчитывайте, что это вопрос одной-двух недель...

Энтони. Вы бы лучше поменьше рассуждали о том, на что мы рассчитываем.

Робертс. И то верно! Нам от ваших расчетов никакой пользы. В одном вам надо отдать должное, мистер Энтони, вы твердо стоите на своем. (Пристально смотрит на Энтони.) На вас можно рассчитывать.

Энтони (иронически). Премного благодарен!

Робертс. И я тоже стою твердо. Так вот, рабочие отправят семьи туда, где их вынуждены будут как-то кормить, а сами будут держаться до последнего. Я советую вам, мистер Энтони, быть готовым к самому худшему. Мы не такие уж темные, как вы полагаете. И знаем, как идут дела у Компании. Ваше положение далеко не блестящее!

Энтони. Если не возражаете, позвольте нам самим судить о своем положении. Уходите и подумайте лучше о своем.

Робертс (делая шаг вперед). Мистер Энтони, вы уже не молодой человек. С тех пор, как я себя помню, вы всегда были злейшим врагом всех рабочих на заводе. Я не хочу сказать, что вы злой и жестокий человек. Но вы затыкали им рот всякий раз, когда они хотели сказать хоть слово в свою защиту. Вы четыре раза подавляли забастовки. Я слышал, что вы любите драться. Так вот, попомните мои слова: это последняя ваша схватка!

Тенч дергает Робертса за рукав.

Андервуд. Робертс, перестаньте!

Робертс. Не перестану. Почему председателю можно говорить все, что он думает, а мне нет?

Уайлдер. Вот до чего дошло!

Энтони (посмотрев на Уайлдера и мрачно усмехнувшись). Продолжайте, Робертс, можете говорить все, что захотите!

Робертс (подумав). Мне нечего больше сказать.

Энтони. Объявляю перерыв до пяти часов вечера.

Уэнклин (тихо Скэнтлбери). Так мы никогда не договоримся.

Робертс (саркастически). Мы благодарим председателя и членов правления за то, что они сообразовали выслушать нас.

Он идет к двери. Рабочие в недоумении сбились в кучу: потом Раус, подняв

голову, обходит Робертса и выходит первым. Остальные следуют за ним.

Робертс (взявшись за ручку двери, угрожающе). Всего доброго, джентльмены!

Харнесс (иронически). Поздравляю! Вы проявили удивительный дух согласия. Джентльмены, с вашего позволения я покину вас до половины шестого. Всего наилучшего!

Он кланяется, на мгновение останавливает взгляд на Энтони - тот встречает его взгляд совершенно спокойно - и выходит в сопровождении Андервуда. Минута неловкого молчания, затем в дверях снова появляется управляющий.

Уайлдер (с видимым раздражением). Ну? Растворяются двери, ведущие в гостиную.

Энид (остановившись в дверях). Завтрак готов.

Эдгар резко встает с места и проходит в дверь мимо сестры.

Уайлдер. Пойдемте завтракать, Скэнтлбери?

Скэнтлбери (с трудом поднимается с кресла). Конечно. Единственное, что нам остается.

Они выходят в гостиную.

Уэнклин (тихо). Вы в самом деле хотите стоять на своем до конца, сэр?

Энтони кивает.

Уэнклин. Берегитесь! Суть в том, чтобы знать, где остановиться.

Энтони молчит.

Уэнклин (серьезным тоном). На этом пути нас ожидает гибель. Миссис Андервуд, ваш отец забыл, наверное, чем кончили древние троянцы.

Он выходит через двойные двери.

Энид. Я хочу поговорить с папой, Фрэнк.

Андервуд следует за Уэнклином. Тенч обходит стол, приводя в порядок

разбросанные бумаги и ручки.

Энид. Ты разве не идешь, отец?

Энтони отрицательно качает головой. Энид многозначительно смотрит на

секретаря.

Энид. Вы, конечно, позавтракаете с нами, мистер Тенч?

Тенч (с бумагами в руках). Благодарю вас, мадам, благодарю!

Он медленно выходит, оглядываясь назад.

Энид (затворив за ним дверь). Я полагаю, все улажено, папа?

Энтони. Нет!

Энид (разочарованно). Как? И ты ничего не сделал?

Энтони качает головой.

Фрэнк говорит, что все они, кроме Робертса, согласны на компромиссное решение.

Энтони. Но я не согласен!

Энид. Мы в таком ужасном положении! Быть женой управляющего и жить здесь, когда на твоих глазах... Папа, ты даже представить себе не можешь!

Энтони. Не могу?

Энид. Мы же видим, как они бедствуют. Помнишь мою горничную Анну - она вышла замуж за Робертса?

Энтони кивает.

Так все это нехорошо. У нее больное сердце, а с тех пор, как началась забастовка, она плохо питается. Я это знаю точно, отец.

Энтони. Бедная женщина! Помоги ей, дай ей все, что нужно.

Энид. Робертс не позволяет ей ничего принимать от нас.

Энтони (задумчиво смотрит перед собой). Я не могу отвечать за чужое упрямство.

Энид. Они так все страдают! Папа, прекрати забастовку, ну, пожалуйста, хотя бы ради меня.

Энтони (пристально поглядев на дочь). Ты ничего не понимаешь, дорогая.

Энид. Если бы я была в правлении, я сумела бы что-нибудь сделать.

Энтони. Интересно, что бы ты сделала?

Энид. Это потому, что ты не любишь уступать. В этом нет никакой...

Энтони. Договаривай.

Энид. Нет никакой необходимости.

Энтони. Что ты знаешь о необходимости? Ты лучше читай свои романы, музицируй, веди умные разговоры, но не пытайся просвещать меня насчет того, что лежит в основе такой схватки, как эта.

Энид. Я здесь живу и сама все вижу.

Энтони. Как ты думаешь: что стоит между тобой, твоим классом, и этими людьми, которых ты так жалеешь?

Энид (холодно). Я не совсем понимаю, о чем ты говоришь, папа.

Энтони. Есть люди, которые трезво смотрят на вещи и обладают достаточной выдержкой, чтобы постоять за себя. Если б не они, через несколько лет ты со своими детьми жила бы в таких же условиях, как и рабочие.

Энид. Ты не знаешь, в каком они ужасном состоянии!

Энтони. Я все знаю.

Энид. Нет, не знаешь! Если бы ты знал, ты бы не...

Энтони. Это ты не знаешь элементарных истин. Кто-то все время ограждает тебя от непрекращающихся требований рабочих. А иначе, ты думаешь, тебя бы пощадили? Нет, пощады не жди. Сначала, дорогая, ты лишишься сентиментов, потом культуры и всех жизненных удобств.

Энид. Я не верю в барьеры между классами.

Энтони (раздельно). Ты не веришь в барьеры между классами?

Энид (холодно). И я не понимаю, какое это имеет отношение к нашим делам?

Энтони. Такие, как ты, поймут это поколения через два.

Энид. Но ведь все упирается в тебя и Робертса, папа! Ты сам знаешь.

Энтони выпятил нижнюю губу.

Это погубит Компанию.

Энтони. Позволь мне судить об этом.

Энид (обидчиво). Я не могу стоять в стороне, когда бедная Анни Робертс страдает! И подумай о детях, папа! Я предупреждаю тебя.

Энтони (с грустной улыбкой). Что же ты собираешься предпринять?

Энид. Это мое дело.

Энтони молча смотрит на нее. У Энид дрогнул голос, она гладит отца по рукаву.

Папа, ты знаешь, что тебе вредны все эти заботы и волнения. Помнишь, что велел доктор Фишер?

Энтони. Не нам, старикам, слушать, что болтают старые бабы.

Энид. Ты же добился уже многого, если это в самом деле для тебя вопрос принципа.

Энтони. Ты так считаешь?

Энид. Не надо, папа! (Еле сдерживает рыдания.) Ты мог бы... мог бы подумать и о нас.

Энтони. Только тем и занят.

Энид. Но ты вконец подорвешь здоровье.

Энтони (медленно). Дорогая, неужели ты думаешь, что я струшу? На это можешь не рассчитывать.

Снова входит Тенч с бумагами. Он в неуверенности останавливается, глядя на них, потом набирается мужества.

Тенч. Прошу прощения, мадам, мне хотелось бы покончить с этими бумагами до завтрака.

Недовольно посмотрев на секретаря, Энид перевела взгляд на отца, затем резко повернулась и пошла, в гостиную.

Тенч (подавая Энтони бумаги и перо, нервно). Не угодно ли подписать, сэр?

Энтони берет перо и подписывает. Тенч стоит с промокательной бумагой в руках за его стулом и говорит, волнуясь.

Своим положением я обязан только вам, сэр.

Энтони. Ну и что?

Тенч. Я должен видеть все, что происходит. Я... я целиком завишу от Компании. Если что-нибудь случится, я погиб. (Энтони кивает.) Жена только что родила второго. Голова кругом идет. Да и налоги нам приходится платить большие!

Энтони (мрачно шутит). Наверное, не больше, чем нам.

Тенч (нервно). Ну, конечно, сэр. Я знаю, как много значит для вас Компания.

Энтони. Еще бы! Я основал ее.

Тенч. Конечно, сэр. Если забастовка не прекратится, дела примут серьезный оборот. Полагаю, что члены правления начинают это понимать.

Энтони (иронически). Неужели?

Тенч. Я знаю, что у вас твердые взгляды и вы привыкли смотреть фактам в лицо. Но мне кажется, что членам правления это не нравится, сэр.

Энтони (мрачно). Равно как и вам, по всей видимости.

Тенч (жалко усмехнувшись). И мне тоже, сэр. Но в моем положении поневоле будешь думать о таких вещах. Дети на руках, у жены слабое здоровье. (Энтони кивает.) Но я не это хотел сказать, сэр. Если позволите (колеблется)...

Энтони. Выкладывайте!

Тенч. Еще отец говорил мне, что, когда дело идет к старости, нелегко приходится...

Энтони (почти отечески). Ну же, Тенч, говорите.

Тенч. Мне не хотелось бы, сэр.

Энтони (жестко). Вы обязаны сказать.

Тенч (после минутного колебания выпаливает). Мне кажется, что члены правления хотят избавиться от вас, сэр.

Энтони (помолчав). Позвоните.

Тенч звонит и идет к камину.

Тенч. Простите, сэр, что я осмелился... Я ведь думал только о вас.

Из холла входит Фрост и приближается к столу. Тенч, чтобы скрыть

замешательство, делает вид, что собирает бумаги.

Энтони. Принесите виски с содовой. Фрост. Будете что-нибудь есть, сэр?

Энтони мотает головой. Фрост подходит к буфету.

Тенч (тихо, почти умоляюще). Если бы вы сумели найти какой-нибудь выход, сэр, мне, право же, было бы легче. Я так расстроен. Уже несколько недель я не сплю спокойно, поверьте.

Энтони пристально глядит ему в лицо и медленно качает головой.

Тенч (уныло). Не сумеете, сэр?

Тенч продолжает собирать бумаги. Фрост устанавливает виски и воду на поднос и ставит справа от Энтони. Потом отступает на шаг, не спуская внимательного

взгляда с председателя.

Фрост. Может быть, принести вам что-нибудь поесть, сэр?

Энтони качает головой.

Вы помните, сэр, что вам сказал доктор?

Энтони. Да.

Молчание. Затем Фрост наклоняется вдруг к Энтони и говорит тихо.

Фрост. Забастовка и все это напряжение, сэр... Прошу прощения, сэр... но стоит ли ради этого...

Энтони бормочет что-то нечленораздельное.

Слушаю, сэр!

Он поворачивается и выходит в холл. Тенч порывается что-то сказать, но, встретив взгляд председателя, опускает голову и выходит следом. Энтони один. Он берет бокал и жадно пьет, затем ставит его на стол и с глубоким шумным

вздохом откидывается на спинку кресла.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Половина четвертого того же дня. Опрятная кухня в доме Робертса. В камине едва теплится огонь. В комнате кирпичный пол, побеленные, но порядком закоптившиеся стены, мало мебели, На огне чайник. Как раз напротив камина дверь, открывающаяся вовнутрь прямо с заснеженной улицы. На столе чашка с блюдцем, чайник, нож, тарелка с хлебом и сыром. У камина, закутавшись в плед, сидит в старом кресле миссис Робертс - худенькая темноволосая женщина лет тридцати пяти с терпеливыми глазами. Волосы у нее не убраны в прическу, а лишь перехвачены сзади ленточкой. Рядом у камина - миссис Йоу, широколицая, рыжеволосая. Поближе к столу сидит седая, с землистым лицом старушка, миссис Раус. У двери, собираясь уходить, стоит, съезжившись от холода, бледная миссис Балджин. За столом - Мэдж Томас, милостивая двадцатидвухлетняя девушка, у нее широкие скулы, глубоко посаженные глаза, встрепанные волосы. Она сидит неподвижно, опершись локтями на стол и положив

лицо на руки, и молча прислушивается к разговору.

Миссис Йоу. Так вот, значит, пришел он и дает мне шесть пенсов. Первые деньги за всю неделю... Не так уж жарко у камина. Идите к огоньку, миссис Раус, погрейтесь, а то вы, как полотно, белая.

Миссис Раус (поеживаясь от холода, безмятежно). Это что! Когда мой старик помер - вот зима выпала. В семьдесят девятом это было, вы еще, наверно, и на свет не родились - ни Мэдж Томас, ни Сью Балджин. (Оглядывая всех по очереди.) Анни Робертс, сколько тебе тогда было, милочка?

Миссис Робертс. Семь лет, миссис Раус.

Миссис Раус. Ну вот, видите: совсем кроха!

Миссис Йоу (гордо). А мне десять лет было, я хорошо все помню.

Миссис Раус (спокойно). Компанию года три лишь как основали. Отец-то с кислотой работал и обжег ногу. Я твердила ему: "Отец, ты бы полежал, у тебя ведь ожог". А он мне: "Мать, ожог или нет, нельзя мне болеть". А через два дня свалился да так и не встал. Судьба, значит! По болезни тогда не платили.

Миссис Йоу. Но тогда не было забастовки! (С мрачным юмором.) По мне и эта зима - тяжелее не надо. Да и вам не надо, правда, миссис Робертс? Как вы думаете, миссис Балджин, не вредно было бы пообедать, а?

Миссис Балджин. Вот уже четыре дня, как, кроме хлеба да чая, ничего не видим.

Миссис Йоу. А вы хотели по пятницам в прачечной работать - не вышло?

Миссис Балджин (удрученно). Мне обещали работу, но, когда я пошла туда, место было занято. На следующей неделе снова пойду.

Миссис Йоу. Да, многие теперь хотят получить работу. Я вот послала своего на каток - помогать господам коньки надевать. Может, подзаработает что-нибудь. Да и думать поменьше будет.

Миссис Балджин (безнадежным, будничным тоном). Что уж о мужчинах говорить - хотя бы с ребятишками как-нибудь перебиться. Я своих в постели держу - поменьше есть просят, когда не бегают сломя голову. Но так уж с ними беспокойно, сил никаких нет.

Миссис Йоу. Вам еще хорошо, маленькие они у вас. Вот из школы ребятишки приходят голодные! А Балджин не дает денег?

Миссис Балджин (качает головой, потом словно спохватившись). У него, наверное, нет.

Миссис Йоу (саркастически). Неужели у вас нет акций Компании?

Миссис Раус (с напускной бодростью). Пойду-ка я домой, Анни Робертс. До свидания!

Миссис Робертс. Выпейте чашечку чаю, миссис Раус.

Миссис Раус (слабо улыбнувшись). Чай Робертсу пригодится. Он скоро придет. А я пойду лягу. В постели все теплее.

Она неверными шажками движется к двери.

Миссис Йоу (встает, подает старушке руку). Обопритесь на меня, бабушка. Пойдемте вместе, нам по пути.

Миссис Раус (берет миссис Йоу под руку). Спасибо, милочка!

Они выходят. Миссис Балджин идет следом за ними.

Мэдж (выйдя из оцепенения). Видишь, до чего дошло, Анни? Я так и сказала Джорджу Раусу: "И думать обо мне забудь, пока вы не покончите с этими беспорядками. Стыдись, - говорю я ему, - мать вся высохла, дров нет, мы почти что голодаем, а ты себе преспокойненько покуриваешь трубку". А он говорит: "Клянусь, Мэдж, я уж три недели не курил и капли в рот не брал!" "Так прекратите забастовку". "Я не могу предать Робертса". Только и слышишь: Робертс, Робертс! Если бы не он, остальные давно вышли бы на работу. А то как начнет говорить, точно бес в них вселится!

Замолкает. Миссис Робертс делает движение, будто ей причинили боль.

А-а, ты просто хочешь, чтобы он был прав! Он твой муж! А остальные как тени ходят - это тебе все равно? (С выразительным жестом.) Если Раус хочет, чтобы я пошла за него, пусть не водится с Робертсом. А когда он не будет поддерживать Робертса, никто не будет. Отец против него... да и все в душе против него. Им только пример подать!

Миссис Робертс. Вам не сломить Робертса!

Они молча смотрят друг на друга.

Мэдж. Не сломить? Тогда они просто трусы. Не видят, что их собственные дети и матери едва на ногах держатся.

Миссис Робертс. Мэдж, перестань.

Мэдж (испытующе глядит на миссис Робертс). Удивляюсь, как ему не стыдно смотреть тебе в глаза. (Она садится на корточки перед камином, протягивает руку к огню.) Харнесс снова приехал. Им придется сегодня решать окончательно.

Миссис Робертс (у нее приятный высокий голос, неторопливая речь). Робертс ни за что не предаст награвальщиков и механиков. Это будет несправедливо.

Мэдж. Чего уж там говорить. Он просто упрямится из гордости.

Раздается стук в дверь, женщины поворачиваются - входит Энид. На ней круглая

меховая шапочка и беличий жакет. Она затворяет за собой дверь.

Энид. Можно войти, Анни?

Миссис Робертс (вздрагивает). Мисс Энид? Мэдж, дай миссис Андервуд стул.

Мэдж придвигает Энид стул, на котором сидела.

Энид. Благодарю! Как ты себя чувствуешь, лучше?

Миссис Робертс. Лучше, мэм, спасибо.

Энид (глядит на угрюмо потупившуюся Мэдж, как бы прося ее уйти). Почему ты отослала назад желе? Как тебе не стыдно!

Миссис Робертс. Спасибо, мэм, это - лишнее.

Энид. Как же лишнее? Это, конечно, Робертс тебя заставил. Как он допускает, чтобы вы все страдали?

Мэдж (неожиданно). Кто страдает?

Энид (удивленно). Прошу прощения.

Мэдж. Кто сказал, что мы страдаем?

Миссис Робертс. Мэдж!

Мэдж (накидывая на голову шаль). Пожалуйста, оставьте нас в покое. Зачем вы пришли сюда - шпионить за нами?

Энид (не вставая, смотрит Мэдж в лицо). Я не с вами разговариваю.

Мэдж (тихим голосом, неистово). Оставьте свою жалость при себе! Кто вам дал право приходить к нам? Убирайтесь и скажите управляющему, чтобы он тоже тут не показывался.

Энид (ледяным тоном). Не забывайте, вы не у себя дома.

Мэдж (поворачиваясь, чтобы уйти). Ваше счастье, что это не мой дом. К себе я вас и на порог не пущу, миссис Андервуд.

Она уходит. Энид барабанит пальцами по столу.

Миссис Робертс. Пожалуйста, простите Мэдж Томас, мэм. Она так расстроена сегодня.

Молчание.

Энид (смотрит на нее). Что ж, они просто глупы - все, как один.

Миссис Робертс (со слабой улыбкой). Наверное, мэм.

Энид. Робертса нет дома?

Миссис Робертс. Нет.

Энид. Это он во всем виноват. Только из-за него не могут договориться, так ведь, Анни?

Миссис Робертс (не сводя глаз с Энид, говорит мягко, теребя шаль на груди). Говорят, что ваш отец, мэм...

Энид. Мой отец - старик, а ты знаешь, какие они.

Миссис Робертс. Простите, мэм.

Энид (смягчаясь). Тебе не за что просить прощения, Анни. Я и сама знаю, что он тоже виноват, как и Робертс.

Миссис Робертс. Мне жалко вашего отца, мэм. Старость - это ужасно. И я всегда считала мистера Энтони хорошим человеком.

Энид (возбужденно). Ты помнишь, он всегда любил тебя! Послушай, Анни, чем я могу помочь тебе? Скажи откровенно. У тебя ведь нет самого необходимого (Подходит к камину и, отставив чайник, заглядывает в ящик для угля.) Почему ты закапризничала и не взяла суп и остальное?

Миссис Робертс. Так просто, мэм.

Энид (возмущенная). У тебя даже угля нет!

Миссис Робертс. Если вас не затруднит, мэм, поставьте, пожалуйста, чайник обратно. Скоро придет Робертс, ему некогда будет ждать. В четыре часа у них митинг.

Энид (ставит чайник на огонь). Значит, он снова будет подстрекать их. Анни, ты бы не пускала его. (Миссис Робертс иронически усмехается.) А ты пыталась? (Молчание.) Он знает, как ты больна?

Миссис Робертс. У меня просто слабое сердце, мэм.

Энид. Ты отлично себя чувствовала, когда жила у нас.

Миссис Робертс (решительно). Робертс очень заботится обо мне.

Энид. Да, но ты должна иметь все, что нужно! У тебя ничего нет.

Миссис Робертс (пряча волнение). Разве у меня вид умирающей?

Энид. Конечно, нет! Тебе бы еще хорошее... А что, если я пошлю тебе своего доктора? Я уверена, что он может помочь.

Миссис Робертс (с ноткой сомнения). Хорошо, мэм.

Энид. А Мэдж Томас не следует бывать здесь, ты слишком возбуждаешься. Как будто я не знаю, как страдают рабочие! И мне на самом деле очень жаль их, но они переходят всякие границы, ты ведь тоже это знаешь.

Миссис Робертс (перебирает пальцами). Они утверждают, что иначе не добиться лучшего жалования, мэм.

Энид (убежденно). Но именно поэтому профсоюз не хочет помогать им. Мой муж очень хорошо относится к рабочим, но и он говорит, что платят им достаточно.

Миссис Робертс. Он так говорит?

Энид. Они не понимают, что Компания не могла бы существовать, если бы им платили столько, сколько они хотят.

Миссис Робертс (делая над собой усилие). Но дивиденды очень высоки, мэм.

Энид (пораженная). Все вы считаете, что акционеры - богатые люди. Это не так. Большинство из них живут, право же, не лучше, чем рабочие. (Миссис Робертс усмехается.) Им просто приходится соблюдать приличия.

Миссис Робертс. Правда, мэм?

Энид. Ну конечно же! Вам не нужно платить большие налоги, вообще у вас нет таких расходов. Если бы рабочие поменьше тратили на выпивку и на игру, им бы жилось совсем неплохо.

Миссис Робертс. Работа тяжелая, поэтому мы имеем право немного развлечься - вот что они говорят.

Энид. Но почему такие пошлые развлечения?

Миссис Робертс (с обидой в голосе). Робертс крепкого в рот не берет и ни разу в жизни не играл.

Энид. Да, но Робертс не... не простой рабочий. Я хочу сказать, он механик, выше остальных.

Миссис Робертс. И Робертс говорит, мэм, что рабочим недоступны другие развлечения.

Энид (задумчиво). Да, я знаю, им трудно.

Миссис Робертс (с ноткой злорадства). И еще они говорят, что богатые ничуть не лучше.

Энид (улыбаясь). Какая глупость! Я позволяю себе не меньше других, и, как видишь...

Миссис Робертс (ей трудно говорить). Многие и близко к пивной не подходят, но и им удается лишь самую малость накопить. А чуть заболел - все уходит.

Энид. А касса взаимопомощи?

Миссис Робертс. В кассе дают только восемнадцать шиллингов в неделю, мэм. Разве этого хватит на семью? Робертс говорит, что трудящиеся живут только сегодняшним днем, а завтра - будь что будет... У рабочих есть даже поговорка: лучше шесть пенсов сегодня, чем шиллинг завтра.

Энид. Это уже смахивает на игру.

Миссис Робертс (волнуясь). Робертс говорит, что у рабочего человека вся жизнь - игра, от самого рождения до смерти.

Энид наклоняется вперед и слушает с интересом. Миссис Робертс продолжает говорить, волнуясь все больше и больше, и тирада ее заканчивается чем-то

очень личным, глубоко выстраданным.

Он говорит, мэм, что, когда в рабочей семье рождается ребенок, никогда не скажешь, выживет он или нет. Это дело случая. И так всю жизнь. А когда приходит старость - работный дом или могила. Какая уж может быть обеспеченность в семье, говорит он, когда приходится во всем отказывать себе и своим детям, чтобы хоть что-нибудь отложить на черный день. Поэтому он не хочет, чтобы у нас были дети (откидываясь на спинку кресла), хотя я очень хотела этого.

Энид. Да-да, я понимаю.

Миссис Робертс. Где вам понять, мэм! У вас есть дети, и вам не придется беспокоиться за них.

Энид (мягко). Тебе не нужно так много говорить, Анни. (Потом у нее против воли вырывается.) Но ведь Робертсу заплатили много денег за его изобретение!

Миссис Робертс (защищаясь). У нас давно ничего не осталось. Робертс так ждал этой забастовки! Он говорит, что не имеет права на лишний фартинг, когда остальные бедствуют. Если бы все так думали! А то ведь некоторым все равно, что делается, - лишь бы свое получить.

Энид. А что можно ожидать от них - им и в самом деле тяжело. (Другим тоном.) Но Робертс должен же подумать о тебе! Как это ужасно!.. Чайник закипел. Я приготовлю чай, хорошо? (Она берет чайник для заварки и, увидев, что чай уже засыпан, наливает кипяток.) Ты выпьешь чашечку?

Миссис Робертс. Не хочется, мэм, благодарю вас. (Она прислушивается, не подходит ли кто к дому.) Вам лучше не встречаться с Робертсом, мэм, он сейчас такой нервный.

Энид. Я должна его видеть, Анни. Обещаю не горячиться.

Миссис Робертс. Для него это вопрос жизни или смерти.

Энид (очень мягко). Мы выйдем и поговорим с ним на улице, чтобы не беспокоить тебя.

Миссис Робертс (слабым голосом). Хорошо, мэм.

Она вдруг вздрагивает: они не заметили, как в комнату вошел Робертс.

Робертс (сняв шляпу, чуть-чуть насмешливо). Прошу прощения, что без стука. У нас, как понимаю, в гостях леди.

Энид. Могу я поговорить с вами, мистер Робертс?

Робертс. С кем имею честь говорить, мадам?

Энид. Вы же знаете меня! Я миссис Андервуд.

Робертс (отвешивая враждебный поклон). А, дочь нашего председателя!

Энид (серьезно). Я пришла затем, чтобы поговорить с вами. Может быть, мы выйдем на несколько минут?

Она кидает взгляд на миссис Робертс.

Робертс (вешая шляпу). Мне не о чем с вами говорить, мадам.

Энид. А мне нужно кое-что сказать вам. Ну, пожалуйста!

Она идет к двери.

Робертс (взрываясь). У меня нет времени слушать вас!

Миссис Робертс. Дэвид!

Энид. Мистер Робертс, прошу вас.

Робертс (снимая пальто). Сожалею, что вынужден отказать леди... особенно дочери мистера Энтони.

Энид (колеблется, затем набравшись решимости). Мистер Робертс, я знаю, что сегодня будет еще один митинг рабочих.

Робертс кланяется.

Я взываю к вашему рассудку. Пожалуйста, попытайтесь найти какое-нибудь компромиссное решение. Уступите немного - хотя бы ради вас самих!

Робертс (словно раздумывая вслух). Дочь мистера Энтони просит меня уступить немного - хотя бы ради нас самих.

Энид. Ради всех, ради вашей жены.

Робертс. Ради моей жены, ради всех... ради мистера Энтони.

Энид. Почему вы так ненавидите моего отца? Он не сделал вам ничего дурного.

Робертс. Не сделал ничего дурного?

Энид. У него свои взгляды, у вас - свои.

Робертс. Я не предполагал, что имею право иметь свои взгляды.

Энид. Он старый человек, а вы...

Не выдержав его взгляда, Энид умолкает.

Робертс (не повышая голоса). Если бы мистеру Энтони угрожала смертельная опасность, и чтобы спасти его, мне стоило бы только протянуть руку, я не пошевелил бы пальцем.

Энид. Вы... вы... (Она нервно кусает губы.)

Робертс. Да, и пальцем бы не пошевелил.

Энид (холодно). Вы сами не знаете, что говорите.

Робертс. Нет, отлично знаю.

Энид. Но почему?

Робертс (запальчиво). Мистер Энтони защищает тиранию - вот почему!

Энид. Какая глупость!

Миссис Робертс пытается встать, но затем снова оседает в кресле.

Энид (бросается к миссис Робертс). Анни!

Робертс. Не дотрагивайтесь до моей жены!

Энид (отпрянула в ужасе). Вы что, с ума сошли?

Робертс. Леди нечего делать в доме сумасшедшего.

Энид. Я не боюсь вас!

Робертс (кланяется). Я и не думал, что дочь мистера Энтони испугается. Мистер Энтони не такой трус, как остальные.

Энид. Вы, как видно, считаете, что требуется особое мужество продолжать эту схватку.

Робертс. А мистер Энтони считает, что требуется особое мужество воевать с женщинами и детьми? Мистер Энтони, насколько мне известно, - богатый человек. Неужели это мужество - воевать с теми, у кого нет ни пенса?! Заставлять детей плакать от голода, а женщин - дрожать от холода?

Энид (поднимает руку, как бы загораживаясь от удара). Мой отец следует своим принципам, вам это известно.

Робертс. Я тоже следую своим принципам.

Энид. Нет, вы просто ненавидите нас! И не хотите, чтобы над вами взяли верх.

Робертс. Мистер Энтони тоже не хочет, чтобы над ним взяли верх.

Энид. Пожалели хотя бы свою жену.

Миссис Робертс, прижимавшая ладонь к груди, спешит опустить руку и старается

дышать ровнее.

Робертс. Мадам, мне нечего больше сказать вам.

Берет буханку хлеба. Раздается стук в дверь, входит Андервуд.

Энид

нерешительно оборачивается к нему.

Андервуд. Энид!

Робертс (иронически). Вы могли не приходить за своей женой, мистер Андервуд. Мы не какие-нибудь головорезы.

Андервуд. Я знаю это, Робертс. Надеюсь, миссис Робертс чувствует себя лучше?

Робертс молча отворачивается.

Пойдем, Энид!

Энид. Еще раз взываю к вам, мистер Робертс. Ну, ради вашей жены!

Робертс (с враждебной корректностью). Если позволите поправить вас, мадам: скажите лучше, ради вашего мужа и вашего отца.

Удержавшись от резкого ответа, Энид идет к выходу. Андервуд открывает ей

дверь и выходит следом. Робертс протягивает руки к тлеющим углям.

Робертс. Ну как дела, Анни? Тебе же лучше, правда?

На лице у миссис Робертс появляется слабая улыбка. Он берет свое пальто и

надевает ей на плечи. Потом смотрит на часы.

Без десяти четыре! (Воодушевленно.) Посмотрела бы ты на их физиономии! Все они перепуганы, кроме этого старого разбойника.

Миссис Робертс. Ты бы остался и поел, Дэвид. Весь день ни крошки во рту не было!

Робертс (поднимая руку к горлу). Не могу, пока эти старые акулы не уберутся из города! Кусок в горле застрянет. Еще со своими хлопоты будут: недостает им выдержки, трусы несчастные. Тычутся, как слепые котята, дальше своего носа не видят.

Миссис Робертс. Это из-за женщин, Дэвид.

Робертс. Только говорят - из-за женщин. Вспоминают о женах, когда в собственном желудке пусто. Как выпить захочется, на жену ведь не посмотрит. А как пострадать самому за святое дело - так сразу женщины не позволяют.

Миссис Робертс. А дети, Дэвид?

Робертс. Дети, дети! Что толку, если наплодят рабов. А о том, как детям придется жить завтра, они подумали?

Миссис Робертс (задыхаясь). Довольно, Дэвид, перестань! Я не могу этого слышать... не хочу...

Робертс (изумленно). Что с тобой, Анни?

Миссис Робертс (едва слышно). Молчи, Дэвид... я не хочу...

Робертс. Что с тобой? Ну не надо, право же, не надо. Хорошо, хорошо, не буду. (С горечью.) Нет, чтобы отложить хоть малость на черный день. Как бы не так! Знаю я их: лишь бы сегодня сытым быть, а там... Душа изболелась вся. Сначала никого не удержишь, а как дело дошло до крайности...

Миссис Робертс. Ну чего ты хочешь от них, Робертс? Они же не железные.

Робертс. Чего я хочу от них? Того же, что и от себя. Почему я предпочитаю голодать и мучиться, чем сдаться? Раз один может, значит, всякий может.

Миссис Робертс. А женщины?

Робертс. Женщины тут ни при чем.

Миссис Робертс (негодующе). Как это ни при чем? Они пусть, по-твоему, умирают?

Робертс (отводя взгляд). Ну кто говорит о смерти? Никто не умрет, и мы побьем этих...

Он снова встречается с ней взглядом и снова отводит глаза.

Сколько месяцев я ждал этого дня! Свалить старых разбойников и выпроводить отсюда. Они из нас ни фартинга больше не выжмут. Понимаешь, я видел их лица - они в долине смертной тени.

Он подходит к вешалке и берет шляпу.

Миссис Робертс (следя за ним взглядом, мягко). Возьми пальто, Дэвид, на улице очень холодно.

Робертс (подходит, глаза его бегают). Нет, нет, не нужно. Тебе так теплее. Не волнуйся, я скоро вернусь, слышишь?

Миссис Робертс (печально). И все-таки возьми.

Анни высвобождает плечи, но Робертс, так и не отважившись взглянуть жене в глаза, снова закутывает ее своим пальто. Миссис Робертс сидит, съежившись, следя за мужем враждебным и в то же время любящим взглядом. Он снова смотрит на часы и

поворачивается, чтобы уйти. В дверях он сталкивается с Яном Томасом, мальчуганом лет десяти, в просторной, не по росту одежде; в руках у

Яна - дешевая свистулька.

Робертс. Привет, парень!

Робертс уходит. Ян подходит к миссис Робертс и молча смотрит на нее.

Миссис Робертс. Ты что, Ян?

Ян. Сейчас придут папа и Мэдж.

Он садится за стол, свистит, потом пытается изобразить свистулькой кукование

кукушки. В дверь стучат - входит старый Томас.

Томас. Добрый день, миссис Робертс. Нынче у вас вид получше.

Миссис Робертс. Спасибо, мистер Томас.

Томас (неуверенно). Робертс дома?

Миссис Робертс. Он только что ушел на митинг.

Томас (становится разговорчивым, сразу почувствовав себя свободно). Какая незадача! А я-то пришел сказать ему, что пора уже как-то договориться с Лондоном. Жаль, очень жаль, что он уже ушел на митинг. Снова полезет на рожон.

Миссис Робертс (приподнимаясь немного). Он ни за что не уступит, мистер Томас.

Томас. Не надо волноваться, вам вредно. Послушайте, его ведь почти никто не поддерживает, кроме механиков и Джорджа Рауса. (Торжественно.) Бастовать дальше - противно воле господней. Я слышал голоса и говорил с ними. (Ян свистит.) Шш! Мне все равно, что скажут другие. Ему угодно, чтобы мы прекратили беспорядки - вот что сказали голоса, и мое мнение, что для нас это самое лучшее. Я так считаю, иначе я и говорить бы не стал, да, не стал бы!

Миссис Робертс (пытаясь справиться с волнением). Но что станет с Робертсом, если вы сдадитесь? Ему-то каково будет?

Томас. Ничего тут нет позорного! Он сделал все, что доступно смертному. Пойти против природы - это еще можно, но теперь нам послано знамение, и против Него идти нельзя.

Ян снова свистит.

Перестань верещать! (Идет к двери.) Сейчас придет дочка - посидеть с вами. Всего вам хорошего. Да вы смотрите не волнуйтесь.

Появляется Мэдж; она останавливается в дверях и смотрит на улицу.

Мэдж. Ты опоздаешь, отец. Они уже собираются. (Хватает его за рукав.) Ради бога, отец, не поддавайся ты ему - ну, хоть один раз!

Томас (с достоинством высвобождает руку). Я сам знаю, что мне делать.

Он уходит. С улицы, по-видимому, идет кто-то, потому что Мэдж медленно

отступает в комнату. На пороге появляется Раус.

Раус. Мэдж!

Мэдж стоит спиной к миссис Робертс; подняв голову и заложив руки за спину, она смотрит Раусу прямо в глаза. Видно, что он чем-то сильно расстроен.

Раус. Мэдж, я иду на митинг!

Мэдж, не шевельнувшись, презрительно смеется.

Ты слышишь меня?

Они переговариваются тихими, возбужденными голосами.

Мэдж. Да, слышу. Иди, если решил, но ты убьешь свою собственную мать.

Раус хватается Мэдж за плечи, но она застывает, запрокинув голову. Он

отпускает ее и тоже стоит не двигаясь.

Раус. Я поклялся стоять за Робертса. Понимаешь, поклялся! А ты хочешь, чтобы я нарушил клятву.

Мэдж (неторопливо, с насмешкой). А еще говоришь, что любишь!

Раус. Мэдж!

Мэдж (улыбаясь). Говорят, что бы девушка ни попросила, юноша все сделает, если любит. (Ян высвистывает "ку-ку, ку-ку".) Видно, не так это!

Раус. Не могу я стать штрейкбрехером!

Мэдж (полузакрыв глаза). Даже ради меня?

Раус (потирая лоб). Черт побери, не могу!

Мэдж (быстро). Ради меня...

Раус (стискивает зубы). Брось заигрывать!

Мэдж (показывая рукой на Яна, тихо и убежденно). А я бы на все пошла, чтобы у детей был хлеб.

Раус (горячим шепотом). Мэдж, как ты можешь?..

Мэдж (насмешливо). А ты вот не можешь ради меня нарушить слово.

Раус (задыхаясь). Ну, это мы еще посмотрим!

Раус убегает. Она смотрит ему вслед и улыбается едва заметно. Потом идет к столу.

Мэдж. Теперь Робертсу не победить!

Заметив, что миссис Робертс откинулась на спинку кресла, она подбегает к ней и щупает ее руки.

Мэдж. Совсем ледяные! Вам надо выпить поток бренди. Ян, сбегай к хозяину "Льва" - скажи, что я послала. Для миссис Робертс.

Миссис Робертс (качает головой). Не надо, я просто посижу спокойно. Налей... налей Яну чаю.

Мэдж (дает брату кусок хлеба). Ешь, негодник, и не свисти. (Подходит к камину, встает на колени.) Почти погасло,

Миссис Робертс (с виноватой улыбкой). Ничего.

Ян опять засвистел,

Мэдж. Тихо, ты! Перестань!

Ян вынимает изо рта свистульку.

Миссис Робертс (улыбаясь). Пусть мальчик поиграет, Мэдж.

Мэдж (не вставая с колен, прислушивается). Вечно ждать, ждать - вот все, что женщине остается. А я терпеть этого не могу!.. Миссис Робертс, вы слышите? Там уже началось...

Она ставит локти на стол и подпирает голову руками. Миссис Робертс позади нее словно встрепенулась, с усилием наклоняется вперед, и в этот момент в

комнату врывается шум митинга.

Занавес

СЦЕНА ВТОРАЯ

Пятый час. Грязный, заполненный рабочими пустырь под мрачным небом. Позади пустыря, за колючей проволокой, на некотором возвышении - тропа вдоль канала; у берега стоит на якоре баржа. Вдали раскинулись болота и покрытые снегом холмы. Поперек пустыря, от самого берега, тянется заводская стена. Там, где стена образует угол, из досок и бочек сооружена импровизированная

трибуна, на которой - Харнесс. Робертс стоит, прислонившись спиной к стене,

чуть поодаль от толпы. На берегу сидят, покуривая, два лодочника.

Харнесс (поднимая руку). Ну вот, я вам все выложил. Больше добавить нечего, говори я тут хоть до завтрашнего дня.

Яго (темноволосый, испанского обличья человек с небольшой реденькой бородкой и бледным лицом). Послушайте, мистер, а если они наймут штрейкбрехеров?

Балджин. Пусть только попробуют! (По толпе прокатывается угрожающий гул.)

Браун (круглолицый человек). Где их найти-то?

Эванс (невысокого роста, бойкий, с изможденным, но воинственным лицом). Штрейкбрехеры всегда найдутся: такая уж это порода. Мало ли таких, кто печется только о собственной шкуре?

Снова недовольный гул. Сквозь толпу, расталкивая остальных, пробирается

старый Томас, и встает в переднем ряду.

Харнесс (поднимает руку). Нет, со стороны им нанять некого. Но это не спасет вас. Рассудите сами: если Компания удовлетворит требования, то вспыхнет десяток новых забастовок. А мы к этому не готовы. Профсоюзы основаны на принципе: справедливость для всех, а не для кого-нибудь одного. Каждый рассудительный человек вам скажет: зря вас на это подбили! Я ведь не говорю, что ваши требования чрезмерно высоки и вы не имеете права добиваться своего. Нет! Просто сейчас не время. Вы сами себе яму роете. Выкарабкаетесь вы оттуда или нет - вам решать!

Льюис (истый валлиец с черными усами). Правильно, мистер! Надо выбирать.

В толпе движение: между рядами быстро пробирается Раус и встает около

Томаса.

Харнесс. Умерьте свои требования, и мы поможем вам. Но если вы откажетесь, больше меня здесь не увидите, я не могу даром терять время. Я не из тех, кто бросает слова на ветер, сами убедились. Вы же разумные люди, почему вы должны кого-то слушать (останавливает взгляд на Робертсе). Разве не лучше выйти на работу, а мы добьемся от

Компании кое-каких уступок. Держаться вместе и победить или и дальше дохнуть с голоду - выбирайте!

Толпа гудит.

Яго (угрюмо). Вам легко говорить.

Харнесс (перекрывая шум). Легко? (Страстно.) Мне довелось испытать то же самое, что и вам, когда я был не старше вон того юнца (показывает на парнишку). А профсоюзы тогда разве такие были? Почему они стали сильными, как вы думаете? Потому что мы держались друг за друга. Что до меня - так я всего навидался, и это вот тут у меня. (Ударяет себя в грудь.) Да, вам нелегко пришлось, мне рассказывать не надо. Но наше общее дело важнее, чем ваши требования, вы же только часть целого. Помогите нам, и мы поможем вам.

Он медленно обводит глазами толпу. Шум растет. Рабочие разбиваются на

группы, спорят. Грин, Балджин и Льюис говорят, перебивая друг друга.

Льюис. Толковые вещи говорит этот парень из профсоюза.

Грин (спокойно). Если бы меня послушали в свое время, то еще два месяца назад услышали бы толковые вещи.

Лодочники на берегу смеются.

Льюис (кивает). Посмотрите на тех двух бездельников.

Балджин (мрачно). Если они не перестанут ржать, я им челюсть сворочу.

Яго (внезапно). Эй, разве нагревальщикам достаточно платят?

Харнесс. Я не говорил, что достаточно. Им платят столько же, сколько на других заводах.

Эванс. Это ложь! (Шум, выкрики.) А как на заводе Харперса?

Харнесс (со спокойной иронией). Помолчал бы, приятель, если не знаешь. У Харперса смены длиннее, то на то выходит.

Генри Раус (вылитый Джордж, только темноволосый). А вы поддержите наше требование о двойной плате за сверхурочные по субботам?

Харнесс. Да!

Яго. А что профсоюз сделал с нашими взносами?

Харнесс (ровно). Я уже сказал, куда мы собираемся истратить эти деньги.

Эванс. Вот-вот, только и слышишь: "Собираемся собираемся!"

Шум, выкрики.

Балджин (кричит). А ну тише!

Эванс сердито осматривается вокруг.

Харнесс (повышая голос). Всякий, кто умеет отличить черное от белого, знает, что в профсоюзах сидят не воры и не предатели. Я все сказал. Смотрите сами, друзья. Если понадоблюсь, то знаете, где меня найти.

Харнесс спрыгивает на землю, рабочие расступаются, и он уходит. Один из лодочников насмешливо тычет трубкой ему вслед. Рабочие снова собираются в группы, многие посматривают на Робертса - тот в одиночестве стоит у стены.

Эванс. Он хочет, чтобы вы стали штрейкбрехерами. Он хочет настроить вас против нагревальщиков, это уж точно! Да я лучше голодать буду, чем стану предателем.

Балджин. Кто говорит о предателях? Ты чего болтаешь? Смотри поосторожнее.

Кузнец (рыжеволосый парень с тяжелыми руками). А что с женщинами будет?

Эванс. Раз мы можем выдержать, значит, и они тоже.

Кузнец. У тебя нет жены?

Эванс. Обхожусь.

Томас (повышая голос). Нет, ребята, нам самим надо договориться с Лондоном.

Дэвис (медлительный, угрюмый черноволосый рабочий). Выйди и скажи, если есть что, понял?

В толпе кричат: "Томаса!" Его подталкивают к трибуне. Он с трудом карабкается вверх, снимает шапку и ждет, пока толпа поутихнет. Выкрики

"Тише! Тише!"

Рыжий парень (неожиданно в наступившей тишине). Добрый старый Томас!

В толпе гогочут. Лодочники переговариваются между собой. Наконец шум

стихает, Томас начинает говорить.

Томас. Друзья, нас загнали в угол! Судьба загнала нас в угол.

Генри Раус. Это Лондон загнал нас в угол!

Эванс. Нет, профсоюз!

Томас. Нет, ни Лондон и ни профсоюз - Судьба! И это не позор для смертного - покориться Судьбе. Ибо Судьба - это очень большое. Гораздо больше, чем человек. Я тут самый старый и по себе знаю, как дурно идти против Судьбы. Дурно заставлять человека страдать, когда все равно ничего не добиться.

В толпе смех. Томас сердито продолжает.

Чего тут смешного! Дурно, я вам говорю. Мы боремся из-за принципа. Никто не скажет, что я не верю в принцип. Но если Судьба говорит "Хватит!", значит, хватит, и нечего лезть на рожон.

Возгласы одобрения и язвительный смешок Робертса.

Против Судьбы не пойдешь. Мы должны быть чистые сердцем, честные, справедливые и милосердные - таковы заветы господни. (Робертсу, сердито.) Да-да, Дэвид Робертс, господь учит нас, что можно выполнять его заветы и не идти против Судьбы.

Яго. А как насчет профсоюза?

Томас. Не доверяю я профсоюзу. Мы для них что грязь под ногами. Они говорят: "Поступайте, как мы велим". Я двадцать лет старшим у нагревальщиков, и я скажу профсоюзникам (взволнованно): "Кто лучше знает, вы или я, сколько по справедливости должен получать нагревальщик?" (Возмущенно.) Двадцать пять лет я платил деньги в профсоюз, а чего ради? Мошенничество, чистое мошенничество, хоть тут и говорил всякие вещи этот мистер!

Ропот.

Эванс. Слушайте, слушайте!

Генри Раус. А ну кончай!

Томас. Если мне не доверяют, неужели я буду доверять им?

Яго. Правильно.

Томас. Пусть эти мошенники сами по себе, а мы сами по себе.

Кузнец. Мы и так сами по себе.

Шум в толпе.

Томас (распаляясь). Я и сам за себя постоять могу. Если у меня нет денег купить что-нибудь, я обойдусь. А с чужими деньгами что угодно сделать можно. Мы бились что надо - и проиграли. Не наша это вина. Теперь надо самим договариваться с Лондоном. А не

получится, встретим поражение, как мужчины. Все лучше, чемдохнуть, как собакам, или искать у кого-то защиты.

Эванс (бормочет). Никто и не ищет!

Томас (вытягивая шею). Что, не слышу? Я так считаю: если меня сшибли, я не буду кричать "Помогите!". Я постараюсь сам встать на ноги. А если меня опять сшибут, значит, так тому и быть. Верно я говорю?

Смех.

Яго. Долой профсоюз!

Генри Раус. Да здравствует профсоюз!

Остальные подхватывают.

Эванс. Предатели.

Балджин и Кузнец грозят ему кулаками.

Томас (утихомиривая рабочих). Эй вы, я старый человек...

Толпа стихает, потом снова выкрики.

Льюис. Старый дуралей, нельзя нам без профсоюза!

Балджин. Я этим нагревальщикам морды поразбиваю!

Грин. Если бы меня с самого начала послушали...

Томас (вытирая лоб). Я вот что хотел сказать...

Дэвис (бормочет). Давно пора!

Томас (торжественно). Библия говорит: хватит воевать! Надо кончать забастовку!

Яго. Это ложь! Библия говорит, чтобы до конца стоять!

Томас (презрительно). Скажешь тоже! Что у меня, ушей нет?

Рыжеволосый парень. Есть, и длинные!

Смех.

Яго. Туговат, значит, на ухо стал. Томас (возбужденно). А я говорю, что я прав! Не может же быть, чтобы и ты и я - оба правы были.

Рыжий парень. Так в библии: и нашим и вашим.

Юнец смеется. В толпе шум.

Томас (устремив горящий взгляд на юнца). Уготованы тебе вечные муки, не иначе. Так вот я и говорю: если против библии пойдете, на меня не рассчитывайте. И ни один богобоязненный человек не поддержит вас.

Он спускается с трибуны. Его место собирается занять Яго. В толпе крики: "Не

давайте ему говорить!"

Яго. Не давайте ему говорить! И это, по-вашему, свобода слова? (Поднимается на трибуну.) Я долго говорить не буду. Давайте посмотрим на вещи просто: держались-держались, а теперь, после всего, вы хотите сдаться? Мы же все одной веревочкой связаны, а вы, значит, решили, как вам выгоднее? Механики вам помогали, а вы к ним спиной поворачиваетесь, да? Что же вы раньше не сказали, мы бы тогда не начали забастовку! Вот и все, что я хотел сказать, а что до старого Томаса - плохо он читал библию. Если вы уступите Компании или профсоюзу, это будет означать, что вы нас предали... чтобы спасти собственную шкуру... Как ни крути, грязное дельце получается - вот так!

Он сходит с трибуны. Рабочие явно смущены его короткой речью, которую он произнес ровным, не без издевки, голосом. Из рядов выходит Раус и вспрыгивает на трибуну. Он возбужден до крайности. По толпе прокатывается

гул недовольства.

Раус (голос у него срывается от волнения). Я складно говорить не обучен, но тут не смолчишь. Люди мы или кто? Наши матери голодают, а мы смотрим, да?

Робертс (подаваясь вперед). Раус!

Раус (яростно смотрит на него). Сим Харнесс правильно говорит! Я передумал.

Эванс. Эх ты! Переметнулся, а не передумал.

Раус (вне себя от возбуждения). Он правильно сказал: "Помогите нам, а мы поможем вам". У нас с самого начала ошибка вышла. А кто виноват? Он виноват. (Показывает на Робертса.) "Будем, - говорит, - драться с этими разбойниками. Жать на них до последнего!" А что получилось? Им хоть бы хны, а нас прижали и семьи наши прижали. Истинная правда это. Я не оратор, друзья. Это кровь во мне говорит, душа моя говорит. (Делая угрожающий и в то же время виноватый жест в сторону Робертса.) Он тут снова агитировать начнет, так вы его не слушайте! (По толпе словно бы прокатывается тяжелый вздох.). Не слушайте вы этого дьявола! (Робертс смеется.) Сим Харнесс правильно сказал. Кто мы без профсоюза - горсточка сухих листьев, дым, ничто! Я не оратор, но скажу: надо кончать! Нечего женщин и детей голодом морить.

Протестующие восклицания почти тонут в гуле одобрения.

Эванс. Ты то почему перекрасился?

Раус (метнув яростный взгляд). Сим Харнесс знает, что говорит. Нам надо договариваться с Лондоном. Я не оратор, но скажу: хватит нам горя хлебать.

Он затягивает на шею шарф, вскидывает голову и спрыгивает на землю. Толпа рукоплещет и подается вперед. Раздаются крики: "Хватит! Да здравствует профсоюз!" "Харнесс верно сказал!", но Робертс спокойно поднимается на

трибуну.

Рабочие на мгновение затихают.

Кузнец. Не будем мы тебя слушать! Заткнись!

Генри Раус. А ну проваливай!

Толпа с криками подступает к трибуне.

Эванс (яростно). Дайте ему сказать! Говори, Робертс!

Балджин (бормочет). Если что, я ему башку проломлю.

Робертс медленно обводит рабочих взглядом, и они замолкают.

Он начинает

говорить. Один из лодочников встает.

Робертс. Меня, значит, не хотите слушать? Рауса и старого Томаса слушали, а меня не хотите? Вы даже Сима Харнесса слушали, забыв, как справедливо поступил по отношению к вам профсоюз. Может быть, вы еще этих людей из Лондона послушаете? Чего же вы ворчите? Вам же нравится, когда вас топчут ногами.

(Видя, что к трибуне проталкивается Балджин, говорит грустно).

Ты, конечно, хочешь своротить мне челюсть, Джон Балджин. Позволь мне сначала сказать, а потом уж бей, если это доставит тебе удовольствие. (Балджин угрюмо останавливается.) Будь я обманщиком, трусом или предателем, вы бы охотно выслушали меня. (Ропот прекращается, наступает мертвая тишина.) Вы думаете, что мне очень выгодна эта забастовка? Есть среди вас хоть один, кто потерпел бы такой ущерб, как я? Есть среди вас хоть один, кто бы на ней потерял восемьсот фунтов с тех пор, как мы бросили работу? Ну, отвечайте же! Сколько потерял старый Томас? Пять, десять фунтов или сколько там? Его-то вы слушали, а что он говорит: "Никто не скажет, что я не верю в принципы... (со злой иронией). Но если Судьба говорит "хватит", нечего идти против нее". А я вам вот что скажу:

если человек не решается сказать Судьбе... (с каким-то восторгом): "Я на том стою, попробуй сдвинь, если можешь!" - значит, его принцип - лишь бы брюхо набить! Старый Томас говорит: "Мы должны быть чистые сердцем, честные, справедливые и милосердные и должны покориться Судьбе!" А я скажу, что Судьба несправедлива и жестока. Взять, например, тех, кто живет за холмом, они по себе это знают. Вымотаются за день, и каково им ночью в пургу тащиться в этакую даль! Ведь каждый шаг словно с бою берешь. Может быть, лечь в снег и отдаться на милость милосердной Судьбы? Попробуйте-ка и тогда быстренько узнаете, с кем имеете дело. Нет, только так... (Ударяет кулаком по воздуху.) ...в открытой схватке, человек может стать человеком. А старый Томас бубнит: "Уступите, поклонитесь, прекратите эту ненужную свару, и враги, может быть, кинут вам корочку за послушание".

Яго. Ни за что!

Эванс. Будь они прокляты!

Томас. Я этого не говорил.

Робертс (язвительно). Не говорил, так думал! А что о библии говорил? Библия, мол, против! В первый раз слышу, что библия и Судьба рядом идут. Этот молодой человек (показывает на Рауса) сказал, что я дьявол. Будь я дьяволом, тех, кто толкует о сдаче, я бы на медленном огне жарил. Только трусы и предатели могут говорить о том, чтобы сдаться!

Генри Раус (видя, что его брат протискивается вперед). А ну, Джордж, дай ему! Чего он зря языком треплет?

Робертс (выкидывая руку). Постой, Джордж Раус, не время сводить личные счеты. (Раус останавливается.) Тут еще один выступал, мистер Саймон Харнесс. Не очень-то многим мы обязаны мистеру Харнессу и профсоюзу. Что они говорили? "Отступитесь от своих товарищей, а не то мы отступимся от вас". И отступились!

Эванс. Верно, отступились!

Робертс. Мистер Харнесс, может быть, и неплупый человек, но он опоздал. (Убежденно.) Что бы ни говорили мистер Саймон Харнесс, и Томас, и Раус, что бы ни говорил любой из вас, - мы победили!

Толпа подступает ближе, все жадно смотрят на Робертса. Тот продолжает с

испепеляющим презрением.

Да, нам пришлось подтянуть пояса. Но вы забыли, какую схватку мы ведем. Я уже не раз говорил об этом, повторяю еще. Это борьба, которую плоть и кровь страны ведет против кровопийцы. Борьба тех, кто истощает себя каждым движением и каждым дыханием, против чудовища, что растет и жиреет за их счет по законам м_и_л_о_с_е_р_д_н_о_й Судьбы. Имя этому чудовищу - К_а_п_и_т_а_л! Люди трудятся в поте лица, иссушают свой ум и тело, а он покупает наш труд по цене, которую сам же и устанавливает. Уж я-то как-нибудь знаю это! Они купили то, до чего я дошел собственным умом, за жалкие семьсот фунтов, а потом, не шевельнув пальцем, получили за это сто тысяч! Капитал готов сожрать все сам, никому ничего не отдаст. Капиталисты говорят: "Право же, нам очень жаль вас, бедняги, туговато вам приходится", - но не дадут ни полшиллинга, чтобы облегчить нашу участь. Разве найдется среди них хоть один, который согласился бы заплатить лишней пенс подоходного налога, чтобы помочь бедным? Равнодушное чудовище с каменным сердцем - вот что такое К_а_п_и_т_а_л! Вы уже поставили его на колени и теперь в последнюю минуту хотите отступить, чтобы избавить свою плоть от страданий. Сегодня утром я был у тех людей из Лондона и словно в душу им заглянул. Был там один мистер Скэнтлбери, этакая откормленная нами груда мяса. И вот он сидел, как и другие акционеры нашей Компании, не шевеля ни пальцем, ни языком, лишь загребая дивиденды, - огромное бессловесное животное, которое поднимается только тогда, когда у него отнимают пищу. Я посмотрел ему прямо в глаза и понял, что он б о и т с я, понимаете, боится за себя и за свои дивиденды и жалованье, боится даже акционеров, интересы которых он защищает. Они все, кроме одного, дрожат от страха - точно дети, которые оказались ночью в лесу и пугаются каждого шороха. Я прошу вас, друзья (он замолкает и, подняв руку, дожидается полной тишины): позвольте мне от вашего имени заявить им: "Убирайтесь к себе в Лондон. Рабочие не пойдут ни на какие уступки!" (Волнение в толпе.) Предоставьте мне свободу действий, и я клянусь, что не пройдет и недели, как Компания удовлетворит все наши требования.

Эванс, Яго и другие. Свободу действий! Bravo! Свободу действий!

Робертс. Мы боремся не только за сегодняшний день (шум смолкает), не только за себя, за собственные нехитрые нужды. Мы боремся за всех тех, которые будут жить после нас. Друзья, ради любви к тем людям не допустим, чтобы на них легло тяжкое бремя, не дадим омрачить небо будущему и залить его морем горечи. И пусть с нами случится что угодно! Мы готовы пострадать ради них. (Страстно.) Нам бы только стряхнуть с себя это жестокое, кровожадное чудовище, которое от сотворения мира выжимает соки из рабочих, из их жен и детей. (Понизив голос, с глубочайшей убежденностью и болью.) А если у нас не достанет мужества сойтись с ним лицом к лицу и биться до тех пор, пока это чудовище не попросит пощады, тогда оно и впредь будет так же пить нашу кровь, и мы навсегда останемся тем, кто мы есть сейчас (почти шепотом), - хуже собак!

Полнейшая тишина. Робертс, слегка покачиваясь, обводит горящим взглядом ряды лиц.

Эванс и Яго (внезапно). Робертс! (Остальные подхватывают.)

В толпе какое-то движение; берегом проходит Мэдж, останавливается у трибуны и, подняв голову, смотрит на Робертса. Сразу наступает выжидательное молчание.

Робертс. "Судьба, - бубнит старый Томас, - сдадимся на милость Судьбе". А я говорю, кулаком ее, такую Судьбу, кулаком! Вот тогда посмотрим.

Он заметил Мэдж, хмурится, отворачивается.

Мэдж (подойдя вплотную к трибуне, тихо). Анни очень плохо!

Робертс смотрит на нее так, словно его скинули с небес на землю.

Робертс (запинаясь). Вот я и говорю... Дадим им достойный ответ... достойный ответ.

Его слова заглушает ропот толпы.

Томас (делая шаг вперед). Ты что же, не слышишь, что тебе говорят?

Робертс. В чем дело?

Гробовое молчание.

Томас. Твоя жена!..

Робертс колеблется, потом, махнув рукой, спрыгивает вниз и уходит вдоль ограды. Рабочие расступаются перед ним. Стоящий лодочник собирается зажечь

фонарь. Быстро спускаются сумерки.

Мэдж. Можешь не спешить! Анни Робертс умерла. (Кричит.) Свора обезумевших псов - вот вы кто! Ну скольких еще женщин вы в гроб вгоните?

Рабочие отшатываются от нее, неловко сбиваются в кучу. Мэдж быстро уходит.

Толпа молча плядит ей вслед.

Льюис. Что, съели?

Балджин (бормочет). Вздуть ее надо!

Грин. Если б меня тогда послушали, эта бедная женщина... Это ему в наказание, что против бога пошел. Говорили ему!

Эванс. Тем более надо поддержать его. (Возгласы сочувствия.) Неужели вы бросите его в трудную минуту? Отвернуться от человека, когда у него умерла жена...

Из толпы слышны и ропот и одобрительные восклицания.

Раус (стоя перед трибуной). Умерла жена? Ты что, ослеп? Посмотрите на своих собственных жен. Что их может спасти от смерти? Скоро у нас у всех то же самое будет!

Льюис. Правильно.

Генри Раус. Верно говоришь, Джордж!

Одобрительный гул.

Раус. Это не мы обезумели, а Робертс. Сколько еще вы терпеть его будете?

Генри Раус, Балджин, Дэвис. Долой Робертса!

Толпа подхватывает крик.

Эванс (яростно). Бить лежачего? Так, да?!

Генри Раус. Эй, заткните ему плотку!

Балджин замахивается, Эванс локтем защищается от удара. Лодочник поднимает

над головой зажженный фонарь.

Раус (впрыгнув на трибуну). А почему так случилось, как не из-за его дурацкого упрямства? Неужели нам слушаться человека, который не видит дальше собственного носа?

Эванс. У него жена умерла!

Раус. Сам виноват. Нечего нам с ним церемониться. Не то он всех погубит - и наших жен и матерей.

Дэвис. Долой!

Генри Раус. Кончать с ним!

Браун. Хватит, надоело!

Кузнец. По горло сыты!

Толпа, за исключением Эванса и Яго, подхватывает крики; Грин пытается робко

спорить с кузнецом.

Раус (перекрывая шум). Будем договариваться с профсоюзом.

Одобрительные возгласы.

Эванс (яростно). Эх вы, предатели!

Балджин (взбешенный подступает с кулаками к Эвансу). Кого это ты предателем называешь, смутьян несчастный?

Эванс отбивает удар и, в свою очередь, бьет Балджина кулаком. Драка. Лодочники стоят, подняв фонарь и явно наслаждаясь зрелищем. Старый Томас

подходит к дерущимся и поднимает руку.

Томас. И не стыдно вам?

Кузнец, Браун, Льюис и рыжий парень разнимают Эванса и Балджина. На сцене

почти совсем темно.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Пять часов вечера. Изысканно обставленная гостиная в доме Андервудов. Энид сидит на диване и шьет распашонку. Посреди комнаты - стол на тонких ножках, за ним - Эдгар; он вертит в руках фарфоровую безделушку и выжидающе

смотрит на двойные двери, ведущие в столовую.

Эдгар (ставя безделушку на столик и глядя на часы). Ровно пять. Все уже собрались, кроме Фрэнка. Где он?

Энид. Поехал к Гэсгойну относительно контракта. А разве он вам понадобится?

Эдгар. Вряд ли. Решать - членам правления. (Кивая на дверь, скрытую за занавеской.) Отец у себя?

Энид. Да.

Эдгар. Хорошо, если бы он не выходил.

Энид поднимает глаза.

Грязное дело, правда, дорогая?

Он снова берет безделушку и вертит ее в руках.

Энид. Тэд, сегодня я была у Робертсов.

Эдгар. Напрасно.

Энид. Он просто губит свою жену.

Эдгар. Ты хочешь сказать: мы губим.

Энид (внезапно). Робертс должен уступить.

Эдгар. В их оправдание многое можно сказать.

Энид. Я им теперь вовсе не так сочувствую, как раньше, до того, как у них побывала. У них просто классовая вражда к нам. А бедняжка Анни ужасно выглядит, огонь в камине еле тлеет, есть почти нечего.

Эдгар ходит взад и вперед по комнате.

Но она всячески защищает Робертса. Когда видишь столько горя и понимаешь, что сделать ничего нельзя, волей-неволей приходится закрывать на все глаза.

Эдгар. И ты можешь закрывать на это глаза?

Энид. Ты же знаешь, что я была на их стороне, но вот сходила туда и переменила мнение. Говорят вот о сострадании трудящимся. Но мало кто понимает, что в действительности этим не поможешь.

Эдгар. Вот как?

Энид. Когда люди в таком состоянии, с ними бесполезно разговаривать. Я все-таки надеюсь, что папа уступит кое в чем.

Эдгар. Нет, он не уступит. (Мрачно.) Стоять на своем - это для него словно религия. Проклятие! Я знаю, чем это кончится. Его провалят.

Энид. Они не посмеют.

Эдгар. Посмеют! Они не знают, куда деться от страха.

Энид (возмущенно). Но он не потерпит этого.

Эдгар (пожимая плечами). Видишь ли, дорогая, когда тебя проваливают при голосовании, приходится терпеть.

Энид (поднимается в тревоге). И он подаст в отставку?

Эдгар. Да, таковы его убеждения.

Энид. Но он всю жизнь отдал Компании, Тэд. У него больше ничего нет! Это будет для него таким ударом.

Эдгар снова пожимает плечами.

Тэд, он совсем старый. Нет, ты не должен допустить этого.

Эдгар (за внешней резкостью скрывая свои чувства). Мои симпатии в этой забастовке - на стороне рабочих.

Энид. Больше тридцати лет он был у них председателем правления. Он создал Компанию! А в трудные времена? Только благодаря ему они выпутывались из осложнений. Тэд, ты должен...

Эдгар. Чего ты хочешь? Полминуты назад ты сказала, что он должен пойти на уступки. Теперь ты просишь, чтобы я поддержал отца в его упорном нежелании уступить. Это ведь не игрушки, Энид!

Энид (горячо). Вот именно! Папа может потерять все что ему дорого в жизни. Если он не уступит и они провалят его - он погиб!

Эдгар. Ты же сама сказала: когда люди в таком состоянии, с ними бесполезно разговаривать.

Энид. Тэд, неужели ты не понимаешь, что папа не переживет этого? Ты должен остановить их. Они же боятся его. Если ты поддержишь папу...

Эдгар (прижимая ладонь ко лбу). Вопреки моим убеждениям и даже твоим!.. Вот так всегда: когда дело касается лично нас...

Энид. Я не о себе думаю, а о папе.

Эдгар. Это все равно - тут ты сразу по-иному запела.

Энид (с обидой). Ты не желаешь ничего принимать всерьез.

Эдгар. Он дорог мне так же, как и тебе. Но что поделать?..

Энид. Наши разговоры о рабочих - чистые предположения. Но мы твердо знаем, что у отца любую минуту может случиться удар. Неужели кто-то ближе тебе, чем он?

Эдгар. Ты знаешь, что это не так.

Энид. В таком случае я не понимаю тебя.

Эдгар. Гм!

Энид. Я могла бы понять, если б речь шла о тебе самом. Но ради родного отца! Ты не представляешь...

Эдгар. Я все представляю.

Энид. Твой первейший долг - спасти его.

Эдгар. Ты думаешь?

Энид (умоляющим тоном). Тэд. Пойми, это единственное, что у него осталось. Это для него будет смертельным ударом.

Эдгар (сдерживая свои чувства). Я знаю.

Энид. Ну обещай же!

Эдгар. Я сделаю все, что будет в моих силах.

Он идет к дверям, ведущим в столовую. В это время растворяется другая, занавешенная дверь, и появляется Энтони. Эдгар открывает двери, и из столовой слышен голос Скэнтлбери: "Шестой час уже! Так мы никогда не закончим - придется и сегодня обедать в гостинице!"

Эдгар прикрывает за

собой дверь. Энтони подходит к Энид.

Энтони. Я слышал, ты была у Робертса?

Энид. Да.

Энтони. Ты пытаешься перекинуть мост через эту пропасть? Ты знаешь, что это...

Энид кладет шитье на столик и пристально смотрит на отца.

...как воду решетом черпать.

Энид. Не надо, папа!

Энтони. Неужели ты думаешь, что можно излечить болезнь века, не снимая перчаток? (Направляется к столовой.)

Энид. Отец! (Энтони останавливается у двойных дверей.) Я же забочусь только о тебе!

Энтони (смягчаясь). Я сам о себе позабочусь, дорогая.

Энид. А ты представляешь, что будет, если ты там (делает жест в сторону столовой) потерпишь поражение?

Энтони. Не собираюсь.

Энид. Зачем же рисковать, отец? Ты нездоров. Так ли уж обязательно тебе присутствовать на заседании?

Энтони (мрачно усмехаясь). Бежать с поля боя?

Энид. Но они устроят голосование и провалят тебя.

Энтони (берясь за ручку двери). Посмотрим!

Энид. Я умоляю тебя, папа.

Энтони нежно смотрит на дочь.

Ты не хочешь уступить?

Энтони качает головой и открывает двери. Из столовой доносятся голоса.

Скэнтлбери. На шестичасовом можно пообедать? Там вагон-ресторан есть?

Тенч. Не думаю, сэр.

Уайлдер. Ну что ж, я выскажусь начистоту. Мне надоело.

Эдгар (резко). Что именно?

С появлением Энтони все замолкают. Он закрывает за собой дверь. Энид соскакивает с дивана, с отчаянной решимостью подбегает к двери, поворачивает ручку. Потом отходит к камину и останавливается, нервно постукивая носком по

каминной решетке. Берет звонок, звонит. Из холла входит Фрост.

Фрост. Да, мэм?

Энид. Когда придут рабочие, пожалуйста, проведите их сюда. В передней холодно.

Фрост. Они могут подождать в буфетной.

Энид. Ни в коем случае. Они воспримут это как оскорбление. Такие обидчивые стали!

Фрост. Слушаюсь, мэм. (Помолчав.) Прошу прощения, мистер Энтони весь день ничего не ел.

Энид. Я знаю, Фрост.

Фрост. Только два раза виски с содовой выпил.

Энид. А зачем вы позволили ему?

Фрост (серьезно). С мистером Энтони иногда трудно бывает, мэм. И не то чтобы годы сказывались или не заботится о своем здоровье. Просто любит, чтобы по его было.

Энид. Все мы, наверное, это любим.

Фрост. Да, мэм. (Спокойно.) Прошу прощения, что скажу о забастовке. Лучше всего, чтобы остальные джентльмены сейчас согласились с мистером Энтони, а потом потихоньку дали бы рабочим, чего они просят. Сам иногда так делаю - очень удобный способ.

Энид качает головой.

Сильно сердится, когда ему перечат. А когда сердятся (словно это его открытие), потом сами же и жалеют, по себе знаю.

Энид (улыбается). А вы разве когда-нибудь сердитесь, Фрост?

Фрост. А как же, мэм? Сержусь, и иногда сильно.

Энид. Вот ни разу не видела.

Фрост (роено). Конечно, мэм. Но это так.

Энид то и дело порывается подойти к двери. (С чувством.) Я ведь около мистера Энтони, мэм, с пятнадцати лет. Каково мне видеть, как ему перечат в его-то возрасте? Осмелился я сказать об этом мистеру Уэнклину (понижая голос.). Кажется, самый разумный из джентльменов. А он говорит: "Все это так, Фрост, но забастовка -

вещь серьезная". "Конечно, серьезная, сэр, Для обеих сторон серьезная - говорю я. - Но, может как-нибудь ублажить его? Ведь вот, скажем, наткнулся человек на стенку, он же головой не станет биться перелезет". "Да, - говорит, - скажи-ка лучше это своему хозяину" (Фрост смотрит себе на ногти). Вот в чем штука-то мэм. Утром я подхожу к мистеру Энтони. "А нужно ли все это?" - спрашиваю. А он мне: "Черт побери, Фрост! Не лезь не в свои дела или через месяц бери расчет!" Простите за бранное слово, мэм.

Энид (подходит к двери, прислушиваясь). Вы знаете этого Робертса, Фрост?

Фрост. Да, мэм... То есть не то чтобы я с ним знаком, но в лицо знаю. А на такого посмотришь - насквозь видно...

Энид (прерывая его). Ну и что?

Фрост. Видно, он не такой, как эти безобидные социалисты. Он горячий, будто огонь в нем. До всего ему дело. Вот как я понимаю: что у человека на душе, - бог с ним! Но когда ему до всего дело, он может много неприятностей причинить!

Энид. Отец, наверное, то же самое думает о нем.

Фрост. Еще бы, мэм! Ведь мистер Энтони ох как его не любит!

Энид кидает сердитый взгляд, но, видя, что Фрост говорит искренне,

сдерживается, покусывая губы, и снова смотрит на дверь.

Сцепились в открытую двое, и все тут! И куда только этот Робертс лезет! Наслышан я о нем - обыкновенный рабочий, как все на заводе, ничуть не лучше. Ну, изобрел он что-то. Значит, не хуже ему, чем остальным. Взять моего брата, например, он новое устройство для подачи закусок придумал. Ему вот ничего не заплатили, а поглядеть - всюду поставили такие штуки.

Энид подходит поближе к дверям.

Что и говорить, есть такие, которые никак простить людям не могут, что не родились джентльменами. А ведь настоящий джентльмен не станет свысока смотреть на людей, если они ниже его стоят, да и если выше - тоже!

Энид (нетерпеливо). Да-да, Фрост, конечно. Пожалуйста, пойдите туда и спросите, не хотят ли они чаю. Скажите, что я вас послала.

Фрост. Слушаю, мэм!

Он тихонько отворяет дверь и скрывается в столовой. Оттуда слышны

возбужденные голоса.

Уайлдер. Я не согласен с вами.

Уэнклин. Мы обсуждали это раз десять, не меньше.

Эдгар (нетерпеливо). Ну так что вы предлагаете?

Скэнтлбери. Да, а что говорит ваш отец? Что, чаю? Нет-нет, не хочу.

Уэнклин. Как я понимаю, председатель сказал, что...

Фрост возвращается и закрывает за собой дверь.

Энид (отходит от двери). Значит, они не хотят чаю?

Она останавливается у столика и задумчиво смотрит на распашонку. Из холла

входит горничная.

Горничная. Там пришла мисс Томас, мэм.

Энид (поднимая голову). Мисс Томас? Какая мисс Томас? Ты хочешь сказать...

Горничная. Да, мэм.

Энид (растерянно). Боже мой! И где же она?

Горничная. У крыльца.

Энид. Я не желаю... (Колеблется.)

Фрост. Я скажу, чтобы она уходила, мэм?

Энид. Постойте, я выйду. Впрочем, нет, пригласите ее сюда, Эллен.

Горничная и Фрост выходят. Энид, поджав губы, усаживается у столика, берет

шитье. Горничная вводит Мэдж Томас и уходит. Мэдж стоит на пороге.

Энид. Проходите. Я вас слушаю. У вас есть дело ко мне?

Мэдж. Меня послала миссис Робертс.

Энид. Что она просила передать?

Мэдж. Чтобы вы присмотрели за ее матерью.

Энид. Ничего не понимаю.

Мэдж (угрюмо). Она просила это передать.

Энид. Но... но в чем дело? Говорите же...

Мэдж. Анни Робертс умерла.

Энид (потрясенная). Что? Я же видела ее час назад.

Мэдж. Умерла от голода.

Энид (поднимаясь). Это неправда! У нее было слабое сердце. Бедняжка Анни... Что вы так устали на меня? Я ведь хотела помочь ей.

Мэдж (сдерживая ярость). Я подумала, что вам полезно знать об этом.

Энид (с пылом). Как это несправедливо! Вы же видите, что я хочу помочь всем вам.

Мэдж. Я никому не причиню зла, если меня первую не обидят.

Энид (холодно). Какое зло я вам причинила? Почему вы разговариваете со мной таким тоном?

Мэдж (давая волю своей ярости). Вы приходите из своего богатого дома и шпионите за нами. Поголодали бы с недельку!

Энид (защищаясь). Не говорите глупости!

Мэдж. Я видела, как она отходила. Руки у нее были синие от холода.

Энид (с жестом сострадания). Боже, почему она не позволила помочь ей? Какая неуместная гордость!

Мэдж. Хоть гордостью согреться!

Энид (горячо). Я не хочу с вами разговаривать. Откуда вам знать, что я чувствую? Не моя вина, если у меня состоятельные родители.

Мэдж. Нам не нужны ваши деньги.

Энид. Вы ничего не понимаете и не хотите понять. Уходите, прошу вас.

Мэдж (зловеще). Это вы убили ее, хоть и красиво говорите, вы и ваш отец...

Энид (возмущенно). Это низко! Отец и сам мучается из-за этой ужасной забастовки.

Мэдж (с мрачным торжеством). Так вот передайте ему, что миссис Робертс умерла! Может быть, ему полегчает.

Энид. Уходите.

Мэдж. Когда нас обидят, мы сумеем отплатить.

Внезапно она делает быстрое движение к столику и впивается взглядом в лежащую на нем распашонку. Энид хватается за распашонку, словно это ребенок, которого она хочет уберечь. Они стоят и пристально смотрят в лицо друг

другу.

Мэдж (показывает рукой на распашонку, усмехаясь). А, вы почувствовали! Хорошо, что вам придется заботиться о ее матери, а не о детях, правда? Старушка не долго будет причинять вам хлопоты.

Энид. Уходите!

Мэдж. Я передала, что меня просили.

Она поворачивается и выходит в холл. Энид, застыв, глядит ей вслед, затем бессильно опускается на диван и наклоняет голову, прижимая к груди распашонку. Отворяются двери из столовой, и выходит побагровевший Энтони; он

проходит мимо дочери и садится в кресло.

Энид (скрывая смятение, с тревогой). Что случилось, папа?

Энтони молча делает неопределенный жест рукой.

Кто посмел?

Энтони не отвечает. Энид идет к дверям и сталкивается с входящим Эдгаром.

Они говорят, понизив голос.

Что случилось, Тэд?

Эдгар. Этот тип Уайлдер перешел на личности. Ведет себя просто оскорбительно.

Энид. Что он сказал?

Эдгар. Сказал, что отец слишком стар и не соображает, что делает! Да отец десятка стоит таких, как он.

Энид. Само собой разумеется.

Они посматривают на Эчтони. Дверь распахивается, появляются Уэнклин и Скэнтлбери.

Скэнтлбери (вполголоса). Некрасиво как вышло!

Уэнклин (подходя к Энтони). Послушайте, председатель, Уайлдер приносит свои извинения. Чего же вы еще хотите?

Входит Уайлдер, за ним - Тенч.

Уайлдер (угрюмо). Я беру назад свои слова, сэр. Весьма сожалею.

Энид. Вы не пришли ни к какому соглашению, мистер Уэнклин?

Уэнклин качает головой.

Уэнклин. Все в сборе, председатель. Как вы думаете, продолжим здесь или вернемся в ту комнату?

Скэнтлбери. Да-да, давайте продолжим. Нужно, наконец, до чего-нибудь договориться.

Он отставляет стул и, облегченно вздохнув, с удобством устраивается в самом большом кресле. Уайлдер и Уэнклин тоже садятся. Тенч пододвигает к председателю стул с прямой спинкой и пристраивается на краешке с блокнотом и вечным пером в руке.

Энид (шепчет). Можно тебя на минутку, Тэд? Мне нужно поговорить с тобой.

Они выходят в столовую.

Уэнклин. В самом деле, председатель, не стоит убаюкивать себя иллюзиями, будто наше положение устойчиво. Если мы не покончим с забастовкой до общего собрания, то акционеры зададут нам жару.

Скэнтлбери (встрепенувшись). Простите, что вы сказали?

Уэнклин. Зададут жару, говорю. На этот счет можно не сомневаться.

Энтони. Пусть попытаются!

Уайлдер. Нас попросту скинут.

Уэнклин (Энтони). Я готов принять мученический венец во имя принципов, в которые я верю. Но идти на костер за чужие убеждения не согласен.

Скэнтлбери. Весьма разумно, председатель, заметьте!

Энтони. Мы должны быть твердыми. Это наш долг перед другими предпринимателями.

Уэнклин. Но есть же предел.

Энтони. Поначалу вы были настроены очень воинственно.

Скэнтлбери (у него лопается терпение, он чуть не стонет). Мы же думали, что рабочие сдадутся, а они не сдаются.

Энтони. Они сдадутся.

Уайлдер (поднимается и меряет шагами комнату). Кто-то хочет взять рабочих на измор, а я должен жертвовать своей деловой репутацией. (Чуть не плача.) Не могу, понимаете, не могу. Какими глазами мы будем глядеть на акционеров, когда такое творится?

Скэнтлбери. Слушайте, слушайте!

Уайлдер (горячась). Неужели вы думаете, что я выйду и скажу акционерам: из-за меня вы потеряли 50 тысяч фунтов и потеряете еще столько же лишь потому, что я не желаю поступиться своей гордостью? (Посмотрев на Энтони.) Это же противоестественно. Я не хочу идти против вас, сэр...

Уэнклин (убедительным тоном). В самом деле, председатель, мы же не вольны в своих поступках. Мы только часть машины, и наша первейшая обязанность перед Компанией - добиваться возможно большей, без риска, прибыли. Вы упрекнете меня в беспринципности, но я напомню, что мы доверенные лица, ответственные за капитал Компании. Здравый смысл подсказывает, что если забастовка будет продолжаться, то нам не возместить убытки. Лучше согласиться на прибавку заработной платы. Да что там говорить, председатель, мы попросту обязаны прекратить забастовку на наиболее выгодных для нас условиях.

Энтони. Ни за что!

Смятенное молчание.

Уайлдер. Это тупик. (В отчаянии уронил руки.) Так я никогда не попаду в Испанию.

Уэнклин (сохраняя ироническую нотку в голосе). Вы слышите, председатель, о страшных последствиях вашей победы?

Уайлдер (взрыв искреннего чувства). Моя жена очень серьезно больна!

Скэнтлбери. В самом деле?

Уайлдер. Если я не увезу ее от этого холода, кто будет отвечать за последствия?

Из столовой выходит озабоченный Эдгар.

Эдгар (отцу). Вы слышите, сэр? Миссис Робертс умерла!

Все уставились на него, словно не сразу поняли всю значительность известия.

Энид заходила к ней днем. В доме не было ни угля, ни еды, ничего. Довольно!

Все молчат, прячут глаза, только Энтони тяжелым взглядом смотрит на сына.

Скэнтлбери. Вы хотите сказать, что мы могли помочь бедной женщине?

Уайлдер (в растерянности). Она была очень больна. Никто не посмеет сказать, что мы виноваты. Я, во всяком случае, не виноват.

Эдгар (с жаром). Нет, именно мы виноваты.

Энтони. На войне - как на войне.

Эдгар. С женщинами не воюют.

Уэнклин. Обычно так и случается, что больше всех страдают женщины.

Эдгар. Если так, тогда мы тем более виноваты.

Энтони. Такие дела не для дилетантов.

Эдгар. Можете называть меня как вам угодно, сэр, но это отвратительно. Мы не имеем права идти на такие крайности.

Уайлдер. Не нравится мне это, очень не нравится. Теперь этот радикальный листок раздувает целое дело, как пить дать раздует. Все повернет по-своему. Состряпают историю о бедной несчастной женщине, умершей от истощения. Нет, я умываю руки.

Эдгар. Не удастся, никому из нас не удастся.

Скэнтлбери (стучит кулаком по ручке кресла). Я протестую!

Эдгар. Можете протестовать, мистер Скэнтлбери. Но факты есть факты.

Энтони. Довольно об этом.

Эдгар (сердито поворачивается к председателю). Нет, сэр, позвольте мне сказать. Глупо делать вид, будто мы не знаем, как тяжело рабочим. А если мужчинам тяжело, то женщинам вдвойне тяжелее - это же очевидно! А уж о детях и говорить не приходится. Нет, это просто чудовищно.

Скэнтлбери поднимается с кресла.

Я не хочу сказать, что мы намеренно это сделали, по жестокости. Ничего подобного! Но закрывать глаза на факты - преступление. Это наши рабочие, от этого никуда не денешься. Я даже не столько о рабочих забочусь. Но обрекать женщин на голод я не могу. Я скорее выйду из состава правления.

Все, кроме Энтони, повскакали с мест. Энтони крепко ухватился за

подлокотники кресла и не сводит глаз с сына.

Скэнтлбери. Мне решительно не нравятся ваши речи, молодой человек.

Уэнклин. Ну, это вы уж чересчур,

Уайлдер. Куда хватили!

Эдгар (теряя самообладание). Бесполезно закрывать глаза на случившееся. Вы, может быть, не боитесь принять смерть на душу, а я не желаю.

Скэнтлбери. Спокойнее, спокойнее, молодой человек!

Уайлдер. Ну нет, я лично ни за что не намерен отвечать!

Эдгар. Нас пятеро членов правления. Если четверо были против, почему же мы не попытались предотвратить несчастье? И вы знаете, почему. Мы надеялись взять рабочих измором. А добились только того, что от голода умерла женщина!

Скэнтлбери (кричит чуть ли не истерически). Я протестую, решительно протестую! Я не какой-нибудь зверь. Мы гуманные люди!

Эдгар (презрительно). Гуманные, гуманные... Значит, мы не отдавали себе отчета в последствиях.

Уайлдер. Глупости. Не знаю, как вы, а я отдаю себе отчет в своих поступках.

Эдгар. Значит, не всегда!

Уайлдер. Но я все предвидел.

Эдгар. Почему же вы молчали?

Уайлдер. А что бы изменилось?

Выразительно смотрит на Энтони.

Эдгар. Если бы вы, я и каждый из нас, кто утверждает, что отдавал себе отчет в последствиях...

Скэнтлбери (обеспокоенно). Я ничего не говорил.

Эдгар (не обращая на него внимания). ...Если бы мы все с самого начала заняли твердую позицию, эта бедная женщина была бы сейчас жива. Мы тут разговариваем, а там другие женщины, может быть, умирают от голода.

Скэнтлбери. Ради бога, сэр, не говорите этого слова... на заседании правления... Это чудовищно!

Эдгар. Да-да, умирают от голода, мистер Скэнтлбери.

Скэнтлбери. Я не желаю этого слышать! Не желаю! Мне неприятно.

Он затыкает уши.

Уэнклин. Мы все хотели достигнуть соглашения - кроме вашего отца.

Эдгар. Я убежден, что если бы акционеры знали...

Уэнклин. Не думаю, чтобы они оказались дальновиднее, чем мы с вами. Только потому, что у женщины слабое сердце...

Эдгар. В такой схватке у каждого сразу обнаруживаются свои слабые места. Это вам любой ребенок скажет. Если бы не та жестокая

линия, которую мы взяли, эта женщина была бы жива. И не было бы столько горя. Бесчестно закрывать на это глаза.

На протяжении всей сцены Энтони не сводил глаз с сына. Сейчас он делает движение, словно собирается встать, но Эдгар снова начинает говорить, и он
остается на месте.

Я не защищаю ни рабочих, ни нас - никого!

Уэнклин. Как знать? Может быть, придется защищаться. Представьте: к расследованию привлекаются люди, симпатизирующие рабочим, и они показывают всякие неприятные для нас вещи. Мы должны помнить о нашем положении.

Скэнтлбери (не отнимая рук от ушей). Расследование? Неужели будет расследование?

Эдгар. Мне надоели эти увертки, эта трусость!

Уэнклин. Трусость - пренеприятное слово, мистер Эдгар Энтони. И в самом деле будет похоже на трусость, если мы после этого случая сразу же удовлетворим требования рабочих. Нам нужно быть чрезвычайно осторожными!

Уайлдер. Да-да, осторожность прежде всего! А мы даже об этой смерти знаем только по слухам. Самое целесообразное - поручить Харнессу все уладить. Давно пора это сделать.

Скэнтлбери (с чувством собственного достоинства). Вот именно. (Повернувшись к Эдгару.) А что касается вас, молодой человек, то я буквально не нахожу слов, чтобы выразить... э... свое неудовольствие вашим легкомысленным отношением к такому серьезному делу. Вам следовало бы взять назад свои заявления. Вы отлично знаете наше мнение, а распространяетесь о голоде и трусости. Ведь за исключением вашего собственного отца все мы стоим за политику... э... доброй воли. Ваше поведение неправильно, неприлично, и мне больно... все, что я могу сказать...

Он прикладывает руку к обширной груди.

Эдгар (упрямо). Я не возьму назад ни слова.

Он хочет сказать что-то еще, но Скэнтлбери снова затыкает уши. Тенч что-то торопливо пишет в протоколе, и, чувствуя, что происходит нечто необычное, члены правления один за другим рассаживаются на свои места. Только Эдгар
остается стоять.

Уайлдер (словно решив положить конец перебранке). Я не придаю никакого значения словам мистера Энтони-младшего. Расследование - да мыслимое ли это дело? Я... я вношу поправку к предложению председателя: разрешение конфликта поручить мистеру Саймону Харнессу в согласии с условиями, предложенными им нынешним утром. Кто-либо желает поддержать мою поправку?

Тенч лихорадочно пишет.

Уэнклин. Поддерживаю.

Уайлдер. Отлично! Я прошу председателя внести поправку на рассмотрение правления.

Энтони (глубоко вздохнув, медленно). Мы оказались объектом нападков. (Посмотрев на Уайлдера и Скэнтлбери с презрительной усмешкой.) Готов отразить их один. Мне семьдесят шесть лет. Я являюсь бессменным председателем Компании с момента ее основания - тридцать два года назад. На моих глазах Компания переживала всякое - и удачные годы и тяжелые времена. Я начал трудиться на благо Компании в тот год, когда родился этот молодой человек.

Эдгар склоняет голову. Энтони, крепко схватившись за ручки кресла,

продолжает.

На протяжении пятидесяти лет мне приходится иметь дело с рабочими. Я всегда принимал бой и ни разу не проиграл. Четыре раза я вел схватку с рабочими Компании, и каждый раз я брал верх. Здесь говорили, что я уже не тот, каким был прежде. (Посмотрев на Уайлдера.) Как бы то ни было, у меня еще достаточно сил, чтобы не отступать от своих убеждений.

Голос его крепнет. Открываются двойные двери, в комнату проскальзывает Энид,

следом - пытающийся удержать ее Андервуд.

С рабочими обращались справедливо, им прилично платят. Мы всегда были готовы выслушать их жалобы. Здесь говорили, что времена меняются. Может быть. Но я остался прежним. И останусь таким. Говорили, что хозяева и рабочие равны. Чепуха! В доме должен быть один хозяин. Когда сталкиваются двое, повелевать будет достойнейший. Говорили, что у капиталистов и трудящихся одинаковые интересы. Чепуха! Их интересы далеки, как полюсы.

Говорили, что правление только часть машины. Говорили, что правление - только мускулы. Мы правим всем, мы решаем, что нужно делать, и мы должны это делать без страха и колебаний. Бояться рабочих, акционеров, бояться даже собственной тени - да никогда в жизни!

Он замолкает на мгновение, но, встретив взгляд Эдгара, продолжает.

Есть единственно верный способ обращаться с рабочими - держать их в железном кулаке. Все беспорядки, свалившиеся нам на голову, - из-за половинчатости и нерешительности нынешнего поколения. Из-за сентиментов, из-за мягкотелости, из-за того, что этот молодой человек назвал бы политикой классового сотрудничества. Лес рубят - щепки летят! Все эти теориейки, что в моде у средних классов, этот социализм - или как это там называется - все это вредный вздор! Хозяева останутся хозяевами, а рабочие рабочими! Удовлетворите хоть одно их требование, и они сразу выдвинут еще десяток. Они ведь, как... (мрачно усмехаясь) как Оливер Твист, который просил еще немножко. Будь я на их месте, я поступал бы точно так же. Но я, слава богу, на своем месте. Попомните мои слова: уступите раз, уступите другой, и в один прекрасный день вы обнаружите, что почва ушла у вас из-под ног и вас затягивает тряпина кризиса, а рядом барахтаются те самые рабочие, которым вы сделали уступки. Меня обвиняли в том, что я властолюбивый деспот, заботящийся только о своем достоинстве. Нет, я думаю о будущем страны, которую захлестывают черные волны смятения, которой угрожает власть толпы, то, чего даже представить себе невыносимо. И если хоть одним своим поступком я приблизил тот страшный день, мне стыдно смотреть в глаза ближним.

Энтони уставился прямо перед собой невидящим взором. Полнейшее молчание Из

холла входит Фрост. Все выжидающе смотрят на него.

Фрост (своему хозяину). Рабочие пришли, сэр. Провести их сюда, сэр?

Энтони (с отстраняющим жестом). Пусть подождут!

Фрост уходит. Энтони поворачивается к Эдгару.

Перехожу к нападкам, которым я тут подвергся.

Эдгар, который стоит неподвижно, потупясь, протестующе вытягивает руку.

Умерла женщина. Говорят, что я виноват в ее смерти. Говорят, что я виноват в том, что мучаются и голодают другие женщины и их дети.

Эдгар. Я сказал: "мы виноваты", сэ.

Энтони. Это одно и то же. (Голос его становится все громче и громче, волнение все более и более очевидно.) Разве я виноват в том, что в равной схватке, которую начал отнюдь не я, мой противник пострадал? Если меня сшибут с ног - а это может случиться, - я не стану жаловаться и звать на помощь. Я сам постараюсь встать. Так и он пусть не жалуется. Это честный бой. В другой раз подумают, прежде чем затевать ссору!

Эдгар (тихо). Разве это честный бой, отец? Посмотри на них и на нас. У них это - единственное оружие!

Энтони (угрюмо). А вы слишком малодушны, чтобы учить их, как пользоваться этим оружием! Нынче, кажется, пошла мода брать сторону противника. Я этому искусству не обучен. А в разногласиях между ними и профсоюзом я тоже виноват?

Эдгар. Существует такое понятие, как милосердие.

Энтони. Но превыше всего - справедливость.

Эдгар. Что справедливо по отношению к одному, сэ, несправедливо по отношению к другому.

Энтони (еле сдерживаясь). Вы обвиняете меня в несправедливости... это все равно, что обвинить в бесчеловечности... в жестокости...

Эдгар испуганно поднимает руку, остальные тоже задвигались.

Уэнклин. Успокойтесь, председатель!

Энтони (печально). И это говорит мой собственный сын! Это голос поколения, которое я не понимаю, - поколения мягкотелых.

Общий ропот. С громадным усилием Энтони берет себя в руки.

Эдгар (негромко). Отец, все, что я говорил, относится и ко мне.

Они обмениваются долгим взглядом, потом Энтони отмахивается, словно бы говоря, что дело не в личностях, и, покачиваясь, как от головокружения, прикладывает руку ко лбу. Присутствующие бросились было к нему, ко он жестом останавливает их.

Энтони. Прежде чем ставить эту поправку на голосование, мне хочется сказать еще кое-что. (Он обводит всех глазами.) Если поправка будет принята, это будет означать, что мы не добьемся того, к чему стремились. Не выполним свой долг перед капиталом. Не выполним свой долг перед самими собой. Это будет означать, что мы окажемся безоружными, на нас будут постоянно наседавать, и нам придется постоянно отступать. Не питайте никаких иллюзий на этот счет. Если мы сейчас покинем поле боя, нам никогда не вернуть прежних позиций! Нам придется бежать от собственных рабочих, как собачонкам под ударами хлыста. Если вы не хотите такой участи, то вы не примете эту поправку, джентльмены.

Он снова медленно обводит всех глазами, задерживая взгляд на Эдгаре. Члены правления уставились в пол. Энтони делает знак, и Тенч подает ему книгу.

Энтони (читает). Предложено мистером Уайлдером и поддержано мистером Уэнклином: разрешение конфликта незамедлительно поручить мистеру Саймону Харнессу в согласии с условиями, предложенными им нынешним утром. (Неожиданно громким голосом.) Кто "за", прошу поднять руку!

Некоторое время никто не шевельнется. Но едва только Энтони хочет заговорить, как поспешно поднимают руки Уайлдер и Уэнклин, затем Скэнтлбери

и, наконец, не глядя, Эдгар.

Кто "против"?

Поднимает руку.

(Отчетливо.) Принято. Я подаю в отставку.

Энид охнула, остальные молчат. Энтони сидит неподвижно, медленно опуская

голову, потом внезапно, словно собрав все силы, выпрямляется.

Пятьдесят лет! Вы опозорили меня, джентльмены. Пригласите рабочих.

Он неподвижно смотрит перед собой. Члены правления торопливо жмутся друг к другу. Тенч с испуганным видом открывает дверь в холл. Андервуд почти

силой уводит Энид из комнаты.

Уайлдер (растерянно). Им ведь надо что-то сказать? Где же этот Харнесс? Может быть, нам не следует до его прихода даже

разговаривать с рабочими? Я, право, и не знаю...

Тенч. Проходите, прошу вас.

Входят Томас, Грин, Балджин и Раус и становятся в ряд по одну сторону маленького столика. Тенч садится и что-то пишет. Все смотрят на Энтони, но

тот молчит.

Уэнклин (подходит к столику, нервничая). Ну как будем решать, Томас? Чем кончился ваш митинг?

Раус. Сейчас придет Сим Харнесс и изложит наше решение. Мы вот ждем его. Он все скажет.

Уэнклин. Так вы договорились, Томас?

Томас. Робертс не придет. У него умерла жена.

Скэнтлбери. Да-да, мы слышали. Бедная женщина!

Форст (входит из холла). Мистер Харнесс, сэр!

Пропустив Харнесса, он уходит. У Харнесса в руках лист бумаги. Он кланяется членам правления, небрежно кивает рабочим и останавливается у столика как

раз посередине комнаты.

Харнесс. Добрый вечер, джентльмены!

Тенч берет листок бумаги, на котором писал, и подходит к Харнессу. Они

переговариваются вполголоса.

Уайлдер. Мы ждали вас, Харнесс. Надеюсь, мы придем к какому-нибудь...

Из холла входит Фрост.

Фрост. Пришел Робертс.

Уходит. Быстро входит Робертс и останавливается, пристально глядя на Энтони.

Лицо его осунулось и как-то постарело.

Робертс. Мистер Энтони, я немного опоздал. Я пришел бы вовремя, но вынужден был по некоторым причинам задержаться. (Рабочим.) Тут что-нибудь говорили?

Томас. Нет. Но ты-то зачем пришел?

Робертс. Джентльмены, утром вы предложили нам уйти и подумать. Мы подумали. И вот мы здесь, чтобы передать вам ответ рабочих. (Энтони.) Уезжайте обратно в Лондон. Вы ничего от нас не

дождетесь. Мы ни на йоту не отступились от своих требований и не отступимся, пока они не будут полностью удовлетворены.

Энтони молча смотрит на него. Движение среди рабочих.

Харнесс. Робертс!

Робертс (кинув на него яростный взгляд, снова обращается к Энтони). Вот так: коротко и ясно! Вы напрасно надеялись, что рабочие сдадутся. Вы можете причинить нам физические муки, но дух наш сломить не удастся. Уезжайте в Лондон, ничего от нас не добьетесь, понятно?

Чувствуя неладное, он замолкает недоуменно и делает шаг в сторону Энтони,

который застыл в неподвижности.

Эдгар. Мы все очень сочувствуем вам, Робертс, но...

Робертс. Оставьте свое сочувствие при себе, молодой человек. Пусть ваш отец говорит!

Харнесс (стоит у стола с листом бумаги в руках). Робертс!

Робертс (с жаром). Почему вы молчите?

Харнесс. Робертс, послушайте!

Робертс (резко оборачиваясь). В чем дело?

Харнесс (серьезно). Вы опоздали!

Он кивает Тенчу; секретарь делает знак членам правления, и те быстро

подписывают соглашение.

Посмотрите сюда (он протягивает Робертсу лист бумаги). Требования удовлетворены, за исключением пунктов, которые касаются механиков и нагревателей. Достигнуты следующие соглашения: двойная оплата за сверхурочные по субботам, ночные смены по-прежнему. Завтра все выходят на работу. Забастовка окончена.

Робертс (читает соглашение, потом поворачивается к рабочим. Те отступают, только Раус стоит на месте. С убийственным спокойствием). Итак, вы меня предали? Я держался до конца, несмотря на смерть жены. Вы, видно, только этого момента и ждали!

Рабочие заговорили одновременно, перебивая друг друга.

Раус. Это ложь!

Томас. Никаких сил не хватает!

Грин. Если бы ты послушал меня...

Балджин (вполголоса). А ну, заткнись!

Робертс. Нет, вы ждали этого!

Харнесс (беря экземпляр соглашения, подписанный членами правления, и отдавая свой Тенчу). Ну, хватит! (Рабочим.) А вам, приятели, лучше, пожалуй, идти!

Рабочие медленно, неловко шаркая ногами, уходят.

Уайлдер (нервно). Нам тут, кажется, больше нечего делать. (Идет к двери.) Попробую успеть на шестичасовой! Вы идете, Скэнтлбери?

Скэнтлбери (поднимаясь за Уайлдером). Да-да, подождите меня минутку.

Робертс начинает говорить, и он останавливается.

Робертс (Энтони). Но вы же не подписали соглашение! Они не имеют права договариваться без вас! А вы ни за что не согласитесь на эти условия!

Энтони смотрит на него и молчит.

Ведь не согласитесь, правда же? Ну, ответьте ради бога! (С пылом.) Ведь я на вас рассчитывал!

Харнесс (протягивая Робертсу экземпляр, подписанный членами правления). Члены правления подписали!

Робертс тупо смотрит на подписи, потом швыряет бумагу и закрывает лицо

руками.

Скэнтлбери (прикрывая ладонью рот, Тенчу). Приглядите за председателем, Тенч. Он нездоров, очень нездоров. Даже не завтракал. Если там... э-э... устроят подписку в пользу женщин и детей, запишите меня на... на двадцать фунтов.

С неуклюжей поспешностью он выходит в холл. Уэнклин стоит, устремив задумчивый взгляд на Энтони и Робертса; лицо у него дергается от волнения. Потом тоже уходит. Эдгар сидит на диване, опустив голову. Тенч подсаживается к бюро, пишет. Харнесс стоит у столика, неприязненно следя за Робертсом.

Робертс. Так вы уже не председатель правления! (Разражается полубезумным смехом.) Х-ха-ха! Они предали вас, предали своего председателя! Х-ха-ха! (Внезапно с убийственным спокойствием.) Так мы с вами оба проиграли, мистер Энтони.

Из столовой появляется Энид, подбегает к отцу, наклоняется над ним.

Харнесс (подходит к Робертсу, берет его за локоть). Стыдитесь, Робертс! Идите домой, успокойтесь...

Робертс (вырывая руку). Домой? (Втягивая голову в плечи, шепотом.) Домой, говорите?

Энид (успокаивающим голосом). Пойдем, папа. Я провожу тебя в твою комнату.

Энтони с усилием встает с места и поворачивается к Робертсу, который смотрит на него. Несколько мгновений они не отводят глаз друг от друга. Энтони приподнимает руку, словно бы приветствуя, но тут же бессильно роняет ее. Враждебность, написанная на лице у Робертса, уступает место недоуменному восхищению. Они наклоняют головы в знак взаимного уважения. Потом Энтони поворачивается и медленно идет к занавешенной двери. Внезапно он покачнулся, но, удержавшись на ногах, с помощью Энид и поспешившего к нему Эдгара выходит из комнаты. Робертс долго смотрит ему вслед, затем выходит в холл.

Тенч (подходя к Харнессу). Уф! Будто камень с плеч. Мистер Харнесс! Какая, однако, мучительная сцена.

Он вытирает платком лоб. Харнесс, побледневший и решительный, с мрачной

полуусмешкой смотрит на смятенного Тенча.

Как все это грубо и жестоко! Что он хотел этим сказать: "Мы проиграли оба". Да, у него умерла жена, но кто ему дал право так разговаривать с председателем?

Харнесс. Умерла женщина. Сломлены два сильных человека! Таковы потери.

Входит Андервуд.

Тенч (широко раскрыв глаза, будто в озарении - Харнессу). Сэр, а ведь эти условия... они те же самые, что мы... вы и я... предложили обеим сторонам перед тем, как начаться схватке. Все это... вся эта... и ради чего?

Харнесс (с горечью). Вот это-то и смешно.

Андервуд задумчиво качает головой.

Занавес

1909 г.